

На правах рукописи

СИРИНА Анна Анатольевна

**ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ
(конец XIX – начало XXI веков)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

4859073

10 НОЯ 2011

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена в Отделе Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор З.П. Соколова

Официальные оппоненты:

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
С.А. Арутюнов, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
А.В. Головинёв, Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук

Доктор филологических наук, профессор
В.Л. Кляус, Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

Ведущая организация: Кафедра этнологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится «22» ноября 2011 года в 14-30 часов на заседании Диссертационного Совета Д.002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32-а, корп. «В», 18-й этаж, малый зал. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии РАН.

Автореферат разослан « 17 » октября 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

А.Е. Тер-Саркисянц

Общая характеристика работы

Актуальность диссертационного исследования

Стереотипный образ Севера, Сибири и Дальнего Востока России как неисчерпаемых кладовых природных ресурсов существует и сегодня в нашем обществе. А вот малочисленные народы этих регионов недостаточно известны большинству населения, хотя более трех столетий развиваются в границах российского государства и в контексте его истории. Их представляют, как правило, с крайних позиций либо романтизма – как носителей чуть ли не эзотерических знаний, либо негативизма, – как иждивенцев и нахлебников государства, требующих льгот и привилегий. Изучение культурного потенциала этнических меньшинств важно не только для решения научных проблем, но и для выработки политики национального строительства в условиях глобализации и культурной унификации, а также для лучшего понимания наших собственных культурных особенностей.

В 2002 г. в Российской Федерации проживали 35527 эвенков и 19071 эвенов – представителей северной группы тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. Среди других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации их отличают близость культур, широта расселения и этнокультурных контактов. К концу XIX в. большинство были охотниками-оленоводами тайги и горной тайги Восточной Сибири и Дальнего Востока. В XX в. оба народа пережили два мощнейших социальных эксперимента, имевших как позитивные, так и негативные последствия – модернизацию и интеграцию 1930–1960-х годов и демодернизацию 1990–2000-х годов. Бывшие бродячие и кочевые инородцы были приведены к оседлости, в результате укрупнения поселений сократились ареалы расселения. Традиционное хозяйство обоих народов было интегрировано в советскую экономическую систему, семейный коллектив перестал совпадать с производственным. Традиционные верования искоренялись, межпоколенная передача языка и культуры была нарушена. Одновременно были организованы бесплатное образование и медицинское обслуживание, разрабатывалась письменность, формировалась национальная интеллигенция. Эпохальные изменения заставили многих ученых говорить о потере народами Севера культурных особенностей и полном забвении традиций. В 1990-е годы на фоне разрушения советского государства, социально-экономического кризиса, прекращения господдержки, роста безработицы произошла самоорганизация людей: возникли «родовые» общины, возрождаются верования, язык, праздники. В «этнических» законах, принятых на рубеже XX–XXI веков, появились термины «традиционное природопользование», «традиционный образ жизни». Такая ситуация позволяет провести исследование не только ушедших в прошлое или ставших редкими, реконструируемых культурных особенностей, зафиксированных в типологических научных построениях, но и проследить степень преемственности культур, выявить механизмы адаптации, показать важность природной и социальной среды для ретрансляции и развития этнической культуры и самосознания.

Историографический обзор

Фундаментальный историографический обзор дореволюционного изучения эвенков сделала Г.М. Василевич, эвенков – авторы коллективной монографии¹. По масштабности, разносторонности и глубине вклада дореволюционных ученых в тунгусоведение² выделяются труды Л.И. Шренка, С.К. Патканова, А.Ф. Миддендорфа, И.И. Майнова, Я. Линденау, И.Н. Худякова. К началу советского периода сложились представления о разных группах эвенков, но большинство сведений касалось внешних черт культуры, локальных особенностей групп, изученных очень неравномерно. Эвенки же, особенно глубинных районов северо-востока Евразии, были вообще крайне мало исследованы. Однако уже началась постановка специальных вопросов тунгусоведения.

Автор выделяет знаковые фигуры ученых XX в., чье творчество оказало наибольшее влияние как на тунгусоведение, так и на этнографию в целом – за счет обширности исследовательских тем и проблемных вопросов, охвата материала, знакомства с различными эвенкийскими и эвенскими группами, а также оригинальных подходов и интерпретаций. С.К. Патканов³, С.М. Широкогоров⁴, Г.М. Василевич, В.А. Туголуков воплощают связь российской этнографии со смежными науками – географией, статистикой, языкознанием, фольклористикой, историей. Каждого отличает стремление к первоисточнику, – будь то полевые, архивные или статистические материалы. Этими учеными собран и проанализирован широчайший объем материала при одновременном внимании к самым малым деталям. Среди ученых, оставивших труды по этнографии эвенков, выделяются У.Г. Попова, С.И. Николаев, И.С. Гурвич, А.Б. Спесивовский. Их работы, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах, использованы в диссертационной работе.

Развиваясь в русле общэтнографических исследований в СССР и России, сибиреведение вообще и тунгусоведение, в частности, «подчинялись» общим тенденциям развития научного знания. Этнографию в России отличают историзм – вызванное особенностями «поля» позднее размежевание археологии, антропологии и этнографии и отсюда внимание к проблемам этногенеза и этнической истории; богатство этнографических фактов в научных работах, часто в ущерб теоретизированию; этический подход к «объекту» исследования, установление субъект-субъектных отношений между

¹ *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки. (XVIII-начало XX в.). Л., 1969; История и культура эвенков. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб., 1997.

² Автор использует этот термин преимущественно в отношении эвенков и эвенков.

³ *Патканов С.К.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Ч. II. Прочия тунгусские племена. СПб., 1906 // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXI. Ч. I, II и др.

⁴ *Shirokogoroff S.M.* Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929; *Shirokogoroff S.M.* The Psychomental complex of the Tungus. L., 1935, и др.

ученым и информантом. Ей также всегда был присущ прикладной характер⁵. Четыре периода в развитии советской этнографии и пятый – постсоветский выделены в соответствии с методологией, методами и тематикой исследований, научными учреждениями. Наука не может не испытывать влияния государственной идеологии, в связи с чем в диссертации идет речь о дореволюционном, советском и постсоветском периодах.

1920-е годы отличал теоретико-методологический плюрализм, с доминированием эволюционистской парадигмы. Активно разрабатывались проблемы национальной политики; особое внимание уделялось статистическому изучению современности, исследованию истории общественных форм и первобытной культуры. Научные разработки в сохранившихся старых научных учреждениях и новых центрах были направлены на решение политических задач⁶. Ученые старшего поколения обладали багажом знаний и опыта, а время привнесло в науку романтизм, энтузиазм, ощущение причастности к большим свершениям. Научные цели в сибирской этнографии были тесно сопряжены с прикладными задачами, в т.ч. в рамках Комитета Севера при ВЦИК. Приполярная перепись (1926–1927), предшествовавшая землеустройству и коллективизации, дала уникальные материалы о жизни аборигенов «северных окраин», выявила структуру их хозяйства и экономики. Краеведческое движение привлекло к этнографическим работам географов, экономистов, статистиков, охотоведов, музейных и советских работников. Произошло сближение этнографии с географией, апробировались этногеографические подходы.

В связи с проведением землеустроительных работ и разграничением угодий внимание было направлено на малоисследованные и ассимилированные группы эвенков, преимущественно в более населенных южных районах Восточной Сибири (Г.М. Василевич, В.Н. Васильев, К.А. Забелин, И.П. Копылов, В. Неупокоев, Б.Э. Петри, П.Г. Полтораднев, Е.И. Титов, Я.Н. Ходукин, М.Б. Шатилов). Комплексные экспедиции проходили стационарно и маршрутно, велось углубленное анкетирование. Работы изобилуют цифрами и фактами в области «туземного хозяйства». В 1926 г. Е.И. Титов сформулировал основные задачи тунгусоведения – цели программного характера, которые могли воплотить в жизнь только научные коллективы⁷. Ученые подчеркивали тесную связь и зависимость хозяйства и мировоззрения. Приращение материалов об эвенках в то же время не было столь значительным, что можно объяснить удаленностью большинства регионов их проживания (М.Г. Левин, В.И. Левин, Е.П. Орлова).

Дискуссии конца 1920–начала 1930-х годов о предмете этнографии и ее методологии озаменовали второй период в советской этнографии, длившийся

⁵ *Sirina A.A. Soviet traditions in the study of Siberian hunter-gatherer society // Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology /A. Barnard (ed.). Oxford-New York: Berg, 2004.*

⁶ *Соловей Т.Д. История отечественной этнологии первой трети XX века. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998.*

⁷ *Титов Е.И. Очередные задачи тунгусоведения // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т.V. С. 144-154.*

до конца 1940-х годов. В науку внедрился догматический марксизм и, как следствие, произошло искусственное сужение исследовательских задач, тем и периодов, отказ от концептуальных обобщений и генерализирующих подходов в пользу фактологии. Усилился государственный контроль, произошло пренебрежение научной этикой. Этнография стала вспомогательной исторической дисциплиной, поставляющей факты первобытной истории. Прекратилась профессиональная этнографическая подготовка, произошел отток этнографов в фольклористику и языкознание, археологию и литературоведение, сократилось количество этнографических публикаций.

Важность практических задач стимулировала дальнейшее развитие некоторых тем, в т.ч. в смежных с этнографией областях: создание письменности, изучение языка и фольклора (Г.М. Васильевич, Е.И. Титов и др.), производственные коллективы эвенов (М.К. Расцветаев) и эвенков (Н.П. Никульшин), времяисчисление у тунгусских народов (Т.И. Петрова), родовое общество эвенков (А.Ф. Анисимов), характеристика отдельных групп эвенков Прибайкалья и Забайкалья (М.Г. Левин, А.И. Балдунников).

Третий период (конец 1940 – начало 1960-х годов) отличали: внимание к этнографическим изучением на государственном уровне, создание новых научных учреждений (Институт этнографии АН СССР состоял в те годы из московской и ленинградской частей), в том числе в Сибири. В Москве в ИЭ АН СССР в 1954 г. был организован сектор социалистического строительства у малочисленных народов Севера. Материалы об их социально-экономическом и культурном положении в 1950–1980-х годах, изложенные сотрудниками сектора и предназначенные для служебного пользования, недавно увидели свет (сост., отв. ред. З.П. Соколова, Е.А. Пивнева). Была опубликована монография М.А. Сергеева о некапиталистическом пути народов Севера⁸, которую сегодня лучше всего читать в паре с книгой Ю.Слезкина, написанной значительно позже с других методологических позиций⁹.

Тогда же были выработаны основные типологические построения и созданы образы традиционной культуры народов Севера для конца XIX в. в различных сферах материальной и духовной культуры – хозяйства, жилища, времяисчисления, социальной организации. На сибирских материалах разрабатывались проблемы происхождения оленеводства, развития «первобытных» религиозных верований, построения хозяйственно-культурных типов. Были написаны фундаментальные обобщающие работы: том «Народы Сибири» (1956) в серии «Народы мира»; не имеющий аналогов по тщательности исполнения «Историко-этнографический Атлас Сибири» (отв.ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов, 1961), в которых значительное место отведено эвенкийской и эвенской материальным культурам.

⁸ М.А. Сергеев Некапиталистический путь развития малых народов Севера. ТИЭ. М.-Л., 1955. Т.27; см. также работы И.С. Вдовина, И.С. Гурвича, Б.О. Долгих, Л.П. Потапова.

⁹ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера/ автор.пер. с англ. О. Леонтьевой. М., 2008.

В концепциях хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических областей (ИЭО)¹⁰ эвенки и эвены отнесены к таежным охотникам-оленеводам. Предназначенная для научно-классификационных целей, теория хозяйственно-культурных типов не могла отразить сложного многообразия культурно-хозяйственных вариантов, уже в 1920-е годы обозначенного на примере эвенков как научная проблема. К ее разработке вернулись в начале 1990-х годов, в постсоветский период (1990–2000-е годы), когда А.В. Головнёв провел углубленное исследование исторической типологии хозяйства народов Северо-Западной Сибири, показав вариативность хозяйственных комплексов в связи с влиянием природной среды, экологии, социально-экономических условий в конкретном регионе, а М.В. Рагулина изучила традиционную систему природопользования эвенков и тофаларов Прибайкалья, показав на архивных материалах инородных управ и отделений Комитета Севера широкий спектр локальных моделей эвенкийского жизнеобеспечения в зависимости от ресурсных возможностей среды, а также социально-экономических и культурных факторов¹¹.

Своеобразным завершением третьего периода стали обобщающая монография Г.М. Василевич и научно-популярная работа В.А. Туголукова об эвенках¹². Г.М. Василевич считала тунгусов/эвенков автохтонным сибирским населением, а их «прародину» помещала в горнотаежной области южного Предбайкалья-Забайкалья, откуда предки эвенков расселились на восток и запад под давлением пришельцев-тюрок примерно в 1 в. н.э. В книге на основе богатейших этнографических, фольклорных, лингвистических материалов обоснована гипотеза о расселении эвенков по Сибири еще на пешей, охотничьей стадии их развития и об охотничьих основаниях эвенкийской культуры; отмечены различия между западными и восточными эвенками, в т.ч. выделены два типа оленеводства – эвенкийский и ороченский; выявлены дошаманские и шаманские верования в их мировоззрении.

В.А. Туголуков был в числе немногих ученых, объединивших анализ культур эвенков и эвенов по некоторым параметрам – родовому и социальному составу, этнонимике, похоронной и свадебной обрядности¹³. Ученый много работал в области исторической этнографии, исследуя их родовой состав. Он считал эти два народа очень близкими, но не обратил внимание на государственную политику как причину их расходящихся путей.

¹⁰ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. №4.

¹¹ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Рагулина М.В. Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск, 2000.

¹² Василевич Г.М. Эвенки... Л., 1969; В.А. Туголуков Следопыты верхом на оленях. М., 1969.

¹³ Туголуков В.А. Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй у народов Севера Сибири. XVII–начало XX в. М., 1970; Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970; Туголуков В.А. Свадебная обрядность. Эвенки и эвены; Похоронная обрядность. Эвенки и эвены // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.

Полевые материалы, собранные В.А. Туголуковым в разных группах эвенков и эвенов по единой программе, детализировали картину социально-экономических и культурных трансформаций в 1960–1970-е годы.

Четвертый период в этнографических исследованиях, конец 1960 – конец 1980-х годов, отмечен разработкой теории этноса, вниманием к этносоциологии, этноэкологии, другим смежным дисциплинам. Одновременно произошла формализация в исследовании этничности и этнических процессов. Появились коллективные тематические сборники по проблемам общественного строя, этнокультурным процессам, социализации, религии и обрядности у народов Севера. В центре внимания ученых находились проблемы типологии и реконструкции хозяйства эвенков и эвенов, в т.ч. в связи с социальной организацией (В.В. Карлов) и принципами освоения среды (М.Г. Туров), современные этнические процессы (Т.В. Лукьянченко, С.С. Савоскул), этнокультурные контакты (В.И. Дьяченко, Н.В. Ермолова, А.Б. Спесивовский), малоизученные группы эвенков (Т.Б. Уварова) и эвенов (Ж.К. Лебедева).

В советский период был собран огромный объем материалов о верованиях народов Севера и Сибири, в т.ч. их представлениях о душе, жизни и смерти, анимизму, шаманству (Е.А. Алексеенко, А.Ф. Анисимов, С.И. Вайнштейн, И.С. Вдовин (ред.), Г.М. Василевич, Н.Н. Гемуев, Г.Н. Грачева, В.Н. Кулемзин, А.И. Мазин, С.И. Николаев, А.А. Попов, У.Г. Попова, Л.П. Потапов, А.Н. Сагалаев, Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова, И.М. Суслов, Ч.М. Таксами, В.А. Туголуков, Л.В. Хомич, А.С. Шубин и др.). Накопленные материалы интерпретировались с разных позиций даже в рамках одного официального подхода: здесь отечественная этнология шла в ногу с мировой наукой. Однако магистральные установки, доминировавшие в обществе и в науке большую часть XX в., не позволили развить идеи о магической функции языка, соотношении мысли, слова и образа, специфике восприятия и практике отношений с животными как равноценными и равноправными человеку (В.К. Арсеньев, Д.К. Зеленин, С.В. Иванов), дореligиозных воззрениях на природу (А.А. Попов), синкретичности религиозных верований (Г.Н. Грачева, И.С. Вдовин, ред., В.М. Кулемзин, У.Г. Попова, А.В. Смоляк). В конце 1980-х гг. ученые возвращаются к тем же идеям: в традиционном обществе рациональные и иррациональные элементы сознания не противопоставлены, находятся в сложных, взаимодополняющих отношениях, а мифологическое сознание не противостоит рациональному¹⁴. Среди ученых, исследующих вопросы духовной культуры в конце XX – начале XXI вв. – Е.П. Батянова, Т.Д. Булгакова, А.А. Бурыкин, С.В. Березницкий, П.Я. Гонтмахер, В.В. Горбачева, А.В. Головнев, Н.В. Ермолова, Н.Л. Жуковская, А.П. Зенько, И.Е. Максимова, Н.А. Месштыб, Н.В. Плужников, Т.Ю. Сем, О.Б. Степанова,

¹⁴ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1988. С.13.

Д.А. Функ, М.В. Хаккарайнен, В.И. Харитонов, М.М. Хасанова, Е.В. Шаньжина и др.

Зарубежные ученые раньше пришли к переосмыслению концепции анимизма, вслед за изучаемыми народами воспринимая человека в качестве одного из созданий природы, а животных – как полноправных и соразмерных человеку существ, отношения с которыми похожи на разновидность социальных; подчеркивая важность устных историй, т.е. личного опыта жизни в природе, утверждая ценность иного типа мышления и образа жизни¹⁵.

Хотя в тунгусоведении до настоящего времени нет монографических исследований о человеке, – что, например, сделано в отечественной этнологии в отношении тюркских народов Сибири (Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев и др.), австралийских аборигенов (О.Ю. Артемова) или тибето-бирманских народов (В.Н. Шинкарев), есть работы, близкие к данной теме, в т.ч. выполненные на современных материалах (К.А. Алехин, А.И. Варламов, Н.В. Ермолова).

Важное значение для автора имели труды по языковому сдвигу у народов Севера (Н.Б. Вахтин), специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам и фольклору (А.А. Бурыкин, М.Г. Воскобойников, К.А. Новикова, А.М. Певнов, Н.П. Ткачик, М.М. Хасанова, В.И. Цинциус), включая представителей эвенков и эвенов (Н.Я. Булатова, Г.И. Варламова, Х.И. Дуткин, А.Н. Мыреева, В.А. Роббек и др.). Появились публикации, сопоставляющие эвенкийский и эвенский героические эпосы, заметно сближение фольклористики и этнографии¹⁶.

Историографический обзор был бы неполон без эвенкийских и эвенских художественных произведений, прежде всего автобиографического характера, – М.Н. Амамич, Е.Н. Боковой, В.Е. Доколева, В.С. Кейметинова, Г.И. Кэптукэ, А.В. Кривошапкина, П.А. Ламутского, В.Д. Лебедева, В.Д. Лоргоктоева, А.Н. Немтушкина, Н.К. Оёгира, Н.С. Тарабукина, К.А. Ханькан и др. Произведения писателей-северян основаны на народной традиции, специфическом восприятии мира, на личном жизненном опыте, включая социализацию в традиционной этнической среде и ломку периода коллективизации. Эта литература может рассматриваться в качестве источника, который недооценен и мало востребован в российской этнографии.

Историографический анализ привел автора к выводу, что на протяжении XX в. был собран, систематизирован, классифицирован и проанализирован огромный объем материалов по культурам эвенков и эвенов, других тунгусских народов, так что советское время отмечено несомненным огромным приращением научных знаний. Состав приоритетных тем на протяжении этого времени менялся в зависимости от практических задач на

¹⁵ См., напр.: Bird-David N. «Animism» Revisited: On Personhood, Environment and Relational Epistemology // Current Anthropology, 1999. Vol. 40. P.67-91.

¹⁶ Варламова Г.И., Роббек В.А. *сост.* Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания). Якутск, 2001; Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков. Отражение в фольклоре. Новосибирск, 2004; Варламова Г.И. Женская исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора). Новосибирск, 2008.

каждом конкретном этапе и логики развития самой науки в широком и узком смысле (общая этнография/сибиреведение/тунгусоведение). Кроме того, ученые уходили в проблемы традиционной и исторической этнографии, – этногенез, этническую историю, родовой состав, традиционное хозяйство и материальную культуру.

Постсоветский период в истории российской этнографии (1990-2010-е годы) – двадцать лет глубоких общественных трансформаций в нашей стране. Революция «двойного отрицания» отвергла строй, идеологию, а вместе с тем и научные достижения¹⁷. Радикально сменилась официальная доктрина, наметился отход от доминировавших марксистских подходов, догматических схем построения монографических описаний, выбора/навязывания исследовательских тем. Для этого периода характерно внимание к культурным изменениям, динамике взаимосвязей, различным трансформациям, исторически сложившейся и развивающейся этносоциальной среде, проблемам идентичности, экологии, образования. Возвращаются стационарный метод исследования, изучение языков. Разнообразием методологических подходов этот период в определенной степени напоминает 1920-е годы.

Анализ историографии на значительном историческом отрезке времени показывает, что ученые периодически возвращаются к одним и тем же темам, но на новом уровне. Так, в связи с пересмотром методики проведения переписей в постсоветской России этнографы и географы в 1980-2000-х годах обратились к темам демографии и статистики (В.П. Кривоногов, Д.Д. Мангатаева, Л.И. Миссонова, Н.И. Новикова, З.П. Соколова, С.В. Соколовский, В.В. Степанов, В.А. Тишков, В.В. Филиппова), которые были актуальны для северных народов России в конце XIX – начале XX веков и в конце 1920-х годов.

Под влиянием глубоких экономических трансформаций в российском обществе в 1920–1930-е и в 1990–2000-е годы тунгусоведение обращалось к темам хозяйства и землепользования. С 1990-х годов изучение хозяйства нередко идет в рамках понятия «природопользование», вошедшего в арсенал этнографии и юридической антропологии из географии и экологии¹⁸. Это объемное понятие вмещает в себя хозяйственные занятия, в т.ч. в связи с состоянием ресурсной базы, экологические и технологические знания, мировоззренческие аспекты жизнедеятельности. В конце XX – начале XXI веков вновь произошло сближение этнографии, географии, а также экологии в рамках этно-географо-экологических подходов с целью изучения взаимосвязи природы и человека, особенностей этнической культуры. В этнологии

¹⁷ Тишков В.А. Трудные годы – счастливое время. Интервью с С.А. Арутюновым // Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб, 2008. С. 148.

¹⁸ Клюков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экологические проблемы) // Автореф... докт. геогр. наук. М., 1998.

постсоветского периода рассматривается феномен территориальности, связь культуры и территории, территории и идентичности¹⁹.

В 2000-х годах вновь, после 1980-х годов, в фокусе внимания ученых находится этническая экология, экологическая культура и экологическая этика, у северных народов тесно связанная с традиционным природопользованием и детерминированная спецификой природной среды. Автором использованы исследования по проблемам экологии, природопользования и культурного ландшафта отечественных и зарубежных ученых, этнографов и географов 1970-80-х годов (С.А. Арутюнов, В.П. Алексеев, Ю.В. Бромлей, А.В. Головнев, Р.Ф. Итс, В.И. Козлов, И.И. Крупник, Э.С. Маркарян, Ю.И. Мкртумян), и постсоветского времени (В.Н. Адаев, Д.В. Воробьев, В.Н. Калущков, К.Б. Клоков, Г.А. Комарова, О.В. Мальцева, М.Г. Туров, В.А. Шнирельман, А.Н. Ямсков). Привлечены труды зарубежных ученых, занимающихся исследованием экологии охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ.

Установка на изживание традиций и успехи советской интеграционистской и модернизационной политики в отношении народов Севера привели к быстрым культурным изменениям. В науке это породило дискуссии об аутентичности культур, смысле терминов «традиция», «традиционная культура», «традиционное природопользование», о судьбах городских и поселковых аборигенов, традиционного хозяйства в начале XXI в. (см., напр., Тишков 2004). Проведены исследования современных проблем этнологии народов Севера, включая тунгусские народы – этнополитических, этнокультурных и межэтнических процессов, трансформации традиционного хозяйства и новых форм хозяйственной организации, социально-экономических и экологических проблем, законодательного обеспечения традиционного природопользования, взаимодействия промышленности и народов Севера (В.В. Беликов, М.Х. Белянская, Д.В. Воробьев, В.Н. Давыдов, Н.В. Ермолова, О. Звиденная, М.А. Зенько, В.Л. Кляус, А.И. Кузнецов, М.Г. Кучинский, Е.П. Мартынова, Н.А. Месштыб, Л.И. Миссонова, О.А. Мурашко, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева, О.А. Поворозинюк, Т.П. Роон, В.В. Симонова, А.А. Сирина, В.А. Тишков, В.А.Тураев, М.Г. Туров, А.Н. Ямсков). Значительный интерес представляют работы об эвенках российской исследовательницы Н.В. Ермоловой и француженки А. Лаврилье,

¹⁹ Ермолова Н.В. Природное и историко-культурное пространство эвенкийского этноса // Евразия. Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 2001. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004; Тураев В.А. Территориальный подход к решению этнических проблем на российском Дальнем Востоке // Quest for Models of Coexistence: national and ethnic dimensions of changes in the Slavic Eurasian World. Ed. K. Inoue. Sapporo, 1998; Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // ЭО, 2010. № 6 и др.

которые относятся к концу XX – началу XXI веков²⁰. Внимание народам Севера, их месту в современном российском праве стали уделять юристы²¹.

Переход в новое тысячелетие отмечен также интернационализацией сибирских исследований, их интеграцией в общемировой контекст²². Зарубежные ученые свободно приезжают работать в Сибирь, а талантливые российские исследователи – за границу (Т. Аргунова, И.И. Крупник, Ю. Слезкин, Н.В. Ссорин-Чайков, Б.П. Шишло и др.). В числе зарубежных ученых, работавших среди эвенков – Д. Андерсон, А. Блох, Д. Брандишаускас, К. Иноуэ, А. Лаврилье, Э. Ландерер, И. Санта, Г. Фонда, эвенов – П. Витебски, К. Герне, П. Грэй, А. Ёсида, Ш. Сасаки, Х. Такакура, Г. Фонда. Интерес представляют труды и других ученых по проблемам коренных народов России, Скандинавии, Канады, Америки, Австралии (М. Балзер, Х. Бич, А. Венцель, Р. Виллерслев, Б. Грант, Б. Донахью, Д. Зайкер, Э. Кастен, Ю. Константинов, М. Наттэл, К. Скотт, Т. Туйску, Э. Уилсон, Х. Фейт, А. Фиенап-Риордан, Б. Форбс, О. Хабек, К. Хэмфри, П. Швайцер, Ф. Штаммлер и др.). Со многими из них автор диссертации общалась на международных конференциях и семинарах, с некоторыми работала в «поле» или участвовала в общих научных проектах.

Круг ученых-североведов расширился, как следствие, появились новые труды, что позволило значительно пополнить историографическую базу, особенно в изучении эвенов (А.А. Алексеев, С.А. Алексеева, М.Х. Белянская, А.А. Бурыкин, Х.И. Дуткин, В.А. Кейметинов, В.А. Роббек, В.В. Роббек, А.А. Сирина, Л.Н. Хаховская). В конце XX – начале XXI веков появились обобщающие работы об эвенах²³, и – регионального характера – об эвенках Енисея, Бурятии, Дальнего Востока²⁴. Появляются библиографические обзоры литературы об эвенках и эвенах²⁵. К настоящему времени не все составляющие

²⁰ Ермолова Н.В. 1996; 1999; 2001; 2005; 2007; 2007а; 2010 и др.; A. Lavrillier 2005 и др.; Лаврилье А. 2007; 2010.

²¹ Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.

²² Вахтин Н.Б., Сирина А.А. «Кому принадлежит сибирская этнография?» Размышления после международного семинара по методике, методологии и этике этнографических исследований на севере Сибири// ЭО, 2003. №3; Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Traditional Moments in the History of Research. Habilitationsschrift. Eingereicht an der Human- und Sozialwissenschaftlichen der Universität Wien. Wien, 2001.

²³ История и культура эвенов...

²⁴ Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992; Беликов В.В. Эвенки Бурятии. Улан-Удэ, 1994; Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. СПб., 1994; Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX в. Владивосток, 2008; Амурские эвенки. Большие проблемы малого этноса. Сборник научных трудов. Вып. I. Благовещенск, 2003; История и культура дальневосточных эвенов: историко-этнографические очерки. СПб., 2010.

²⁵ Афанасьева Е.Ф. Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография. Библиографический указатель. Улан-Удэ, 2006; Сирина А.А. Эвенки. Эвены // Коренные малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство для исследователей. Вааса, 1999. Вып. № 29. С. 56–66; 67–73; K. Gernet Evenen – Jäger, Rentierhirten, Fischer. Zur Geschichte eines nordostsibirischen Volkes im russischen Zarenreich. Mit einer Bibliografie historischer, ethnografischer, linguistischer und belletristischer Publikationen. Wiesbaden, 2007.

культуры, включая интересующие автора направления, изучены равномерно. Как правило, вопросы идентичности, природопользования и мировоззрения эвенков и эвенов, которые являются основными в представленной работе, никогда не изучались в сравнительном контексте во взаимной связи – ни с точки зрения их типологии, ни с точки зрения преемственности. Лишь несколько ученых – С.И. Николаев, А.Б. Слеваковский, В.А. Туголуков рассматривали эвенков и эвенов в контексте одного исследования. Впечатляющие выводы, к которым они пришли в ходе сопоставлений – эвены приобрели новые черты в процессе расселения по северо-востоку Сибири, оказавшись в поле заимствований и в результате этнических контактов с юкагирами, чукчами, коряками, ительменами, якутами.

Автор констатирует, что накопленный критический объем материала требует своего осмысления именно с позиции обобщения, проблематики, сравнения. К обобщению ведет ученых и сам специфичный «объект» исследования. Стремясь к комплексному, взаимодополняющему подходу, автор соединяет линию на обобщение материалов и преемственность научного знания – которая разрывается модой на постмодернизм и сопутствующий ему в российском варианте нигилизм²⁶ – с акцентом на региональных и локальных аспектах, особо подчеркивая важность устных историй и запечатленных очевидцами мгновений жизни.

Автор обращается к историографии конкретных тем и вопросов и в самом тексте работы.

Объект исследования: этнические культуры эвенков и эвенов.

Предмет исследования: идентичность, природопользование и мировоззрение как составляющие этнических культур эвенков и эвенов с точки зрения типологии и преемственности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX по начало XXI веков. Выбор исходной даты определен состоянием источниковой базы, а также возможностью использовать концепт «традиционная культура», условно говоря, до 1930-1950-х годов. Выбор верхней границы обусловлен тем, что проблематика исследования касается процесса трансформаций и одновременно вопросов преемственности на протяжении XX и в начале XXI в.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают четырнадцать административных субъектов РФ – обширнейших территорий в основном в Сибирском и Дальневосточном Федеральных округах. В свое время политика модернизации привела к оседанию бродячих и кочевых инородцев, не признающих территориальных границ, к локализации в постоянных населенных пунктах, расположенных в достаточно отдаленных одно от другого местах. Осознавая невозможность охвата стационарным или экспедиционным изучением всех этих территорий, автор сосредоточила свои силы на полевых исследованиях в Иркутской, Магаданской областях, республиках Саха (Якутия) и Бурятия. Выбор этих регионов обусловлен,

²⁶ В.А. Тишков. Трудные годы – счастливое время.... С.148.

помимо других причин, их различным административно-территориальным статусом и важностью этого фактора в формировании идентичности. Как показано в историографическом обзоре, накопленный объем литературы достаточен для данных территориальных рамок.

Цель работы: сравнительное исследование типологии и преемственности культуры эвенков и эвенов в сферах идентичности, природопользования и мировоззрения. В качестве базовой гипотезы берется предположение об их тесной взаимосвязи, в т.ч. в начале XXI в., а также о преемственности культур – несмотря на фундаментальные изменения последнего столетия. В диссертации поставлены следующие задачи:

- ввести читателя в проблематику классификаций и категорий, используемых российским государством в отношении эвенков и эвенов;
- исследовать спектр исторических и современных локальных этнонимов эвенков и эвенов и механизмы их формирования;
- показать сводную обобщающую картину численности, расселения, этнокультурных особенностей эвенков и эвенов в целом и по регионам в исторической динамике;
- проанализировать идентичности эвенков и эвенов по предложенным ими критериям;
- изучить представления о душе, реинкарнации, имянаречении, процесс социализации в традиционной и современной культурах как составляющие формирования человека и его этнической идентичности;
- охарактеризовать традиционное природопользование и хозяйственный коллектив эвенков и эвенов, показать его трансформацию и преемственность в XX–XXI веках;
- проанализировать типологию и преемственность представлений о пространстве и времени путем анализа календарей, ориентировки и топонимики, поселений и жилищ, сакрального ландшафта;
- исследовать мировоззренческие основания традиционного природопользования – представления о земле как о субъекте, о животных, огне и о духах-хозяевах как регуляторах отношений с природой;
- проанализировать принципы экологической, в т.ч. промысловой этики эвенков и эвенов;
- сделать заключение о сходствах и различиях культур эвенков и эвенов

Источники. Диссертационная работа основана на широком круге разнообразных и взаимодополняющих источников.

1. Основными источниками, использованными в диссертации, послужили *полевые материалы* автора, собранные во время многочисленных экспедиционных выездов в Восточную Сибирь и на Дальний Восток России с 1981 по 2010 годы. За этот период проведены полевые исследования среди эвенов Магаданской области (гижигинские, тауйские, рассохинские), эвенков и эвенов Якутии (йенгринские, верхнеколымские, момские, томпонские), эвенков Иркутской области (катангские, качугские) и эвенков Бурятии (северобайкальские). Полевые выезды продолжительностью от нескольких

дней до трех месяцев проводились в разное время года на отдаленных охотничьих и оленеводческих поселениях, где автор принимала участие в перекочевках эвенков и эвенов; в стационарных поселках и городах. Рабочие контакты с отдельными представителями баунтовских, баргузинских и туринских эвенков, березовских, камчатских, чукотских эвенов дополняют собранный материал, а этнографическая работа среди русских старожилов Верхней Лены и Нижней Тунгуски, камчадалов Магаданской области, камчадалов и ительменов Камчатской области, знакомство с проблемами землепользования австралийских аборигенов служат лучшему пониманию проблем идентичности, природопользования и мировоззрения в сравнительном контексте. На протяжении всей полевой работы, начиная с 1981 г., велась фотосъемка, с 2005 г. – видеосъемка. Эти материалы дополняют полевые наблюдения и записи, давая представления о людях, их внешнем облике, занятиях, характеризуя различные стороны повседневности. В архиве автора более 4000 негативов, часть которых, вместе с фотографиями из фондов Иркутского и Магаданского областного краеведческого музеев, в качестве иллюстраций к основному тексту помещена в томе «Приложение».

2. Для лучшего понимания исторического контекста, развития культуры в XX в. были привлечены *архивные материалы* из государственного архива Иркутской области, государственного архива Магаданской области, Центрального архива республики Саха (Якутия), архива Якутского научного центра, архива Института этнологии и антропологии РАН, а также из районных архивов Иркутской, Магаданской областей, республики Бурятия.

3. *Статистические материалы* включают в себя:

– *опубликованные* общедоступные материалы переписи 2002 г., данные ограниченного доступа для служебного пользования из региональных служб статистики, а также *неопубликованные* статистические данные, хранящиеся в базе данных Института этнологии и антропологии РАН;

неопубликованные данные текущей статистики за 1990 – начало 2000-х годов, собранные в районных службах статистики во время проведения полевых исследований;

неопубликованные материалы похозяйственных книг сельских администраций исследованных регионов за период 1930–2000-х годов. Эти сведения дали возможность сравнительного анализа ситуации с численностью населения и с межэтническими браками.

4. Для характеристики социально-экономического и этнокультурного развития эвенков и эвенов в рассматриваемый период времени использованы публикации в СМИ, в т.ч. в районной, областной и республиканской печати, малотиражные региональные издания.

5. В качестве дополнительного источника привлечены характеризующие преимущественно традиционную культуру эвенков и эвенов музейные коллекции из Магаданского областного краеведческого музея, Иркутского областного краеведческого музея, ряда районных музеев.

Методология и методика исследования

Методология диссертационного исследования включает: а) методы сбора и обработки полевых данных; б) методы анализа и интерпретации имеющегося материала.

Среди методов полевого сбора материалов были использованы: интервью (стандартизированные, с заранее определенными вопросами, или опрос и нестандартизированные, или беседа), групповое неформальное интервьюирование (в различных повседневных жизненных ситуациях), личные наблюдения, фото- и видеосъемка, работа с письменными источниками (статистика, официальная и неофициальная документация). На этапе анализа и осмысления собранных данных был использован количественный и качественный методы анализа (группировка и систематизация материалов). Речь идет не только о методах, но и подходах, этике в диалоге ученый – информант, который Д. Роуз назвала этикой внимания/понимания/сопереживания²⁷.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и диалектического осмысления этнокультурного развития, отражающего основные аспекты культур эвенков и эвенов в разные исторические периоды. Принцип комплексности в исследовании предполагает рассмотрение отдельных элементов культуры как взаимосвязанных и взаимозависимых.

Большое значение при осмыслении полевого материала и написании работы имели труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные традиционной культуре, феномену этничности и формирования идентичности, аккультурации, адаптации, экологической культуре, мировоззрению (О.Ю. Артемова, С.А. Арутюнов, А. Барнард, Ф. Барт, Н. Берд-Дэвид, Г.М. Василевич, Н.Б. Вахтин, А.В. Головнёв, Н.Л. Жуковская, Т. Инголд, М.В. Рагулина, Д. Роуз, А.В. Смоляк, З.П. Соколова, С.В. Соколовский, В.А. Тишков, Х. Фейт, Д.А. Функ, В.А. Шнирельман).

Научная новизна и практическая значимость. Новизна и оригинальность диссертации заключается в комплексности подходов, когда впервые в рамках одной работы проведено исследование культур двух близкородственных народов с позиций типологии и преемственности по параметрам, которые никогда не рассматривались вместе в одном научном контексте. Это позволяет сравнить традиционные культуры и одновременно проследить их трансформацию, способы адаптации и преемственность а, кроме того, показать взаимосвязь и взаимозависимость искусственно разведенных тем. Исследование вводит в научный оборот новые полевые материалы, которые вносят существенный вклад в источниковедение проблемы.

²⁷ *Rose D.B. Ethics of Attention // Pulling The Right Threads. The Ethnographic Life and Legacy of Jane C. Goodale, Univ. of Illinois Press, Urbana, 2008, p.110-122.*

Результаты данного исследования имеют научно-практическую ценность. Они могут быть использованы в образовательном процессе, в курсах лекций по общим проблемам антропологии, этнологии народов Сибири и тунгусо-маньчжурских народов; при разработке и проведении региональной политики; в различных экспертизах, связанных с осуществлением промышленных проектов. Исследование может оказаться полезным активистам из среды самих коренных народов при защите прав меньшинств на традиционный образ жизни и культурные ценности, а также для восстановления элементов культуры и исторической памяти там, где они оказались потеряны в результате быстрых модернизационных перемен.

Работа вносит вклад в историю и теорию этнологии, поскольку содержит первый обширный анализ истории развития тунгусоведения на протяжении XX и в начале XXI в. Интерпретация новых фактических данных позволяет уточнить и расширить понимание некоторых «базовых» концептов, используемых этнологией.

Апробация. Основные положения диссертации изложены в докладах на российских и международных конференциях, в частности:

- XXXVI конференции РАСК «Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока» (1996, Иркутск, Россия)
- «Постсоциализм на Российском Севере» (2000, Галле, Германия)
- «Кому принадлежит сибирская этнография?» (2001, Галле, Германия)
- VII всемирном конгрессе ICCEES (2000, Тампере, Финляндия)
- III и V конгрессах социальных исследований в Арктике «Изменения на Заполярном Севере: культура, этика и самоопределение» (1998, Копенгаген, Дания) и «Связи: локальные и всеобщие аспекты арктических социальных систем» (2004, Фэрбэнкс, США)
- VII и IX международных конгрессах по обществам охотников и собирателей (1993, Москва, Россия; 2002, Эдинбург, Шотландия)
- II, VIII и IX конгрессах антропологов и этнографов России (1999, Москва; 2009, Оренбург; 2011, Петрозаводск, Россия)
- Круглом столе Совета Федерации РФ (2003, Москва, Россия)
- «Диалог культур и цивилизаций: современное состояние и перспективы номадизма в глобализованном мире» (2004, Улан-Батор, Монголия)
- «Этносы Сибири: прошлое, настоящее, будущее», посвященная памяти Б.О. Долгих (2004, Красноярск, Россия)
- «Россия и Север» (2007, Осло, Норвегия)
- «Поддержка и развитие культуры и искусства в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (2010, Улан-Удэ, Россия)

Отдельные части настоящей работы, а также использованный в ней полевой материал и методические и методологические подходы послужили основой для статей автора, опубликованных в российских и зарубежных изданиях (см. список публикаций в конце автореферата), выступлений на радио и телевидении, в экспертных работах 2005 г. по проекту строительства нефтепровода ВСТО на севере Байкала и в инициированной компанией ТНК-

ВР и неправительственными экологическими организациями экспертизе коридоров газопровода с Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области.

Целенаправленная работа по теме диссертации стала возможной благодаря обучению в докторантуре ИЭА РАН (1999–2001) при финансовой поддержке Иркутского государственного технического университета, а также участия автора диссертации в ряде индивидуальных и коллективных проектов, в т.ч. выполнявшихся в отделе Севера и Сибири ИЭА РАН: «Эвены на пороге XXI века: преемственность культуры в условиях выживания», при поддержке фонда РГНФ; «Земля и жизнь в культуре эвенов республики Саха (Якутия): традиции, законы, практика», при поддержке фонда Макартуров; «Коренные малочисленные народы Севера России» («The Small Indigenous Nations of Northern Russia»), при поддержке министерства окружающей среды Финляндии (Ympäristöministeriö); «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у коренных малочисленных народов Севера РФ», при поддержке юбилейного фонда банка Швеции («Post-Soviet Political and Socio-economic Transformation among Indigenous Peoples of Northern Russia: Current Administrative Policies, Legal Rights and Applied Strategies»).

Работа обсуждена и рекомендована к защите 19 мая 2011 г. на расширенном заседании Отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Структура и основное содержание диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, пяти частей, разделенных на главы и параграфы, из заключения, списка источников и литературы, перечня информантов, списка сокращений, 52 таблиц. В отдельном томе приложения размещены 200 авторских и музейных фотографий, иллюстрирующих основной текст, с их списком.

Во **Введении** представлен историографический очерк по теме исследования, обосновывается ее актуальность, формулируются объект, предмет, цели и задачи работы, определяются ее хронологические рамки, дается обзор источников, кратко излагаются методологические основы и методика исследования, структура диссертации, сведения об апробации ее основных положений.

Первая часть диссертации «Классификации, переписи, идентичности эвенков и эвенов» построена на основе интегрального подхода и состоит из четырех глав.

В **1 главе «Классификации и категории на службе у государства»** два параграфа. В §1 «От 'инородцев' к 'кмиССиДВ'» кратко прослежено изменение официальной терминологии в отношении эвенков и эвенов на протяжении конца XIX–начала XXI веков. Смена наименований отражала акценты в исторически меняющейся государственной политике в их отношении²⁸. Официальные этнические классификации включали в себя: сословную;

²⁸ Она подробно описана и проанализирована: *Андерсон Д.* 1998; *Вахтин Н.Б.* 2001; *Слезкин Ю.* 2004; *Соколовский С.В.* 2010; *Donahoe B. et al.* 2008.

территориально-административную; этническую; родовую. До революции тунгусские народы относились к категории (сословию) «инородцы», по преимуществу бродячим и кочевым. Границы между сословиями были проницаемы. Категорию «сословие» заменил в 1920-е годы термин «гражданин», подчеркивающий формальное равенство населения. Одновременно эвенки и эвены были отнесены к новой категории «малые народности Севера», к концу XX в. трансформировавшуюся до «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Термины «коренной», «абориген» отразили включенность России и населяющих ее народов Севера в международный политико-правовой и социально-экономический контексты.

В §2 «От 'бродячих инородцев' к 'местам компактного проживания' кмнССиДВ» прослежены идущие параллельно с изменением терминологии трансформации в расселении. Миграции с конечными пунктами оседания были особенно интенсивны в 1920–1960-е годы, когда в результате ускоренного перевода на оседлость и укрупнения поселений в стационарных населенных пунктах оказались представители разных эвенкийских и эвенских родов. В период социально-экономического кризиса 1990–2000-х годов интенсивность миграций возросла, они были направлены в райцентры и города.

Беспокойство чиновников по поводу невозможности зафиксировать бродячие тунгусские группы в ревизских сказках или в различных служебных записках, казалось бы, должно уйти в прошлое. Но вот уже в постсоветское время появляются перечни мест компактного проживания народов Севера, что автор рассматривает, помимо других причин, проявлением психологической «травмы» доминирующего общества, столетиями «гонимшегося» за бродячими инородцами. В действительности, и постсоветские перечни имеют инструменталистскую природу, формально их цель – определение статуса народов Севера и наделение их по законодательству особыми правами. По этим причинам сегодня и сами северные народы заинтересованы в их составлении.

Перепись 2002 г. зафиксировала тенденцию последних двух десятилетий, свойственную этим народам: расселяться за пределы территорий компактного проживания. Автор подчеркивает, что это не только результат миграций, но и «бумажной» идентификации, особенно в Якутии. Кроме того, в начале 1990-х годов была предпринята законодательная попытка выделения сначала мест, затем земель и, наконец, «территорий традиционного природопользования». Попытки создать такие территории на федеральном уровне не увенчались успехом.

Во 2 главе «Мозаика этнонимов» приведен и рассмотрен наиболее полный свод исторических и современных этнонимов эвенков и эвенов, которые отражают географическую локализацию, специфику природопользования и образа жизни, свидетельствуют о разнообразии межэтнических контактов. Среди исторических этнонимов в диссертации выделены: *тунгусы, ламуты, орочены* (и варианты), *илэ, хамнигане, мурчены,*

манегры, бирары, хундысал, илкан; среди современных – *эвенки и эвены*. Предпринятый экскурс в историческую этноимику, со ссылкой на труды предшественников, позволил показать неоднозначный процесс этнического конструирования. В конце 1920-х годов государство проводило объединительную политику в отношении локальных и разрозненных тунгусских групп, что выразилось, в первую очередь, в перемене этнического названия. В основу новых этнонимов – эвенки и эвены – были удачно положены самоназвания их большинства. Переконфигурация происходила на сложном мозаичном уровне, с выделением новых народов. В число эвенков вошли не только тунгусы, но и часть хамниган, ороченов, манегров. К эвенкам были отнесены не только ламуты – жители Охотского побережья, Чукотки, некоторых внутренних районов Якутии, но и часть тунгусов и орочей/орочел. Другой причиной относительно безболезненной «прививки» этнонимов была адаптационная способность, заложенная в культурной традиции, когда даже на уровне имени и прозвища у человека их могло быть несколько и они менялись с возрастом.

На фоне изначальной языковой и культурной близости «тунгусов собственно» (тунгусов, ламутов, ороченов и негидальцев) грань, разделяющая «новые» народы эвенки и эвены, кажется достаточно искусственной. Дробность и многозначность всегда была присуща этнической номенклатуре тунгусов, с одновременной культурной и языковой близостью. У современных эвенков и эвенов эта общность сказывается в языке, внешнем виде/антропологическом типе и некоторых культурных особенностях.

В результате либерализации переписных и административных дискурсов стало возможным идентифицировать себя в соответствии с самосознанием. В 2002 г. в России проживали 35527 эвенков и 19071 эвенов, что позволяет говорить об успехах инструменталистской политики государства. Исторические этнонимы тунгусы, ламуты и некоторые другие сохранились: перепись зафиксировала в России 195 *тунгусов*, 448 *ламутов*, – но немногие считают нужным позиционировать себя в соответствии с ними, хотя, судя по полевым материалам, они есть у более значительного числа населения.

Фиксация «подкатегорий»/«частей» внутри отдельных народов со временем, когда для этого созреют необходимые условия и представится подходящий случай, по мнению автора диссертационной работы, может привести к их выделению в особые народы и к мобилизации этничности, как это было сделано в 1926 г. при создании «новых» тунгусских народов.

Глава 3 «В зеркале статистики» имеет справочный характер, поскольку сводные унифицированные данные по эвенкам и эвенам в одном контексте практически недоступны. Анализ их этнодемографической и этнокультурной ситуации предпринят на основании статистических данных, в первую очередь индикаторов Всероссийской переписи 2002 г. Автор провела его не только на макро, но и на микрорегиональном уровне, с привлечением неопубликованных источников, что впервые позволило дать общую объемную характеристику расселения и тенденций демографического развития этих

народов. Эта картина в целом оказалась достаточно сходной. Автором приводится также статистическая информация из регионов, относящаяся к 2007–2010 годам, поскольку данные всероссийской переписи 2010 г. пока недоступны. В §1 «Общая демографическая и этнокультурная характеристика эвенков и эвенов» демографические изменения рассмотрены в динамике от переписи 1897 г., по данным советских переписей, и до переписи 2002 г., с акцентом на ее результатах.

Хотя рост численности эвенков и эвенов в разных регионах неравномерен, в целом приведенные данные подтверждают заключение о беспочвенности тезиса о вымирании сибирских народов. Перепись 2002 г. показала сдержанный рост или стабильность численности эвенков и эвенов, достигнутые, правда, не за счет естественного прироста, а за счет давно идущих ассимиляционных процессов и перемены этнического самосознания, особенно в Якутии. Эти тенденции совпадают с данными из других регионов Сибири. В то же время демографические характеристики эвенков и эвенов заметно отличаются, скажем, от ямальских ненцев, чья численность возросла за счет увеличения рождаемости²⁹.

Рост числа смешанных браков был определен автором с помощью анализа похозяйственных книг, документов ассоциаций народов Севера, бесед с людьми, составления родословных, наблюдений. Активные межэтнические взаимодействия происходили всегда, хотя и с разной степенью интенсивности, и с разными этническими группами. Сами эвенки и эвены не рассматривают процессы аккультурации и ассимиляции как трагедию, считая это, как показал В.А. Тураев на примере дальневосточных эвенков, «естественной этнокультурной эволюцией»³⁰.

Диспропорция между численностью женщин и мужчин все годы увеличивалась, что объективно способствовало ассимиляционным процессам. Причем это результат не только естественных причин, но и ранней смертности мужчин. Эти показатели свойственны большинству народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, однако у ненцев ситуация и здесь отличается в лучшую сторону.

Известный языковед Н.Б. Вахтин назвал ситуацию с сохранностью языка у эвенков «особым случаем», не сумев поместить их в какую-то точку шкалы утраты языка³¹. Похожая ситуация у эвенов. По данным переписи 2002 г., 19,5% эвенков и 32,6% эвенов утверждали, что говорят на своем языке. В настоящее время практически все владеют русским языком, а многие употребляют его в повседневном общении, т.е. в большинстве регионов их проживания происходит русификация, а в Якутии и, в меньшей степени, в Бурятии – якутизация и бурятизация. Утрата родного языка пока не ведет к ассимиляции, но осознается при идентификации, что показано в следующей главе.

²⁹ Волжанкина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск, 2010.

³⁰ Тураев В.А. Дальневосточные эвенки... С.260.

³¹ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

Перепись 2002 г. констатировала важные изменения в структуре расселения: 24,1% эвенков и 32,4% эвенов живут в городах, рабочих поселках и поселках городского типа, – по сравнению с 13,3% городских эвенков и 6,3% городских эвенов в 1959 г. Подходы к городским аборигенам как полностью интегрированным в доминирующее сообщество и поэтому потерявшим свое этническое своеобразие, а значит, и право называться представителями народов Севера, определили методику проведения статистических подсчетов в регионах, когда городские аборигены не подсчитываются межпереписной статистикой³². По мнению автора, попытки разделить аборигенное сообщество по месту проживания и уровню урбанизации связаны с проблемой сохранности «традиционной» культуры и объективно направлены на быструю ассимиляцию. Оппозиция «поселковый»–«тундровый» в большинстве северных регионов представляется зыбкой, а граница между ними – взаимопроницаемой. Автор считает, что показатель урбанизации не свидетельствует о потере этнической культуры и самосознания. В отношении городских аборигенов, вероятно, необходимо взвешенное и гибкое сочетание общегражданских прав с определенными преференциями – например, в рыболовстве. Высказано мнение о необходимости восстановить в межпереписной статистике учет этой категории населения как аборигенного.

В §2 рассматриваются «Региональные особенности расселения и демографии» эвенков: в Тюменской области, Томской области, Красноярском крае, Иркутской области, республике Бурятия, Читинской области, Амурской области, Сахалинской области, республике Саха (Якутия), Хабаровском крае; эвенов – республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Магаданской области, Чукотском автономном округе и Камчатской области³³. Во всех субъектах федерации эвенки и эвены составляют меньшинство, живут преимущественно в сельской местности, в многоэтнических поселениях. На примере Якутии и Бурятии показана специфика этнодемографического и этнокультурного развития в республиках.

Переименование тунгусских разрозненных объединений, формирование новых народов, серьезные изменения в их демографии, расселении, типах природопользования, образовании, знании языка, интеграция в российское общество сказались на их идентичности, прежде всего этнической, инициировали поиск для нее новых оснований. Эти процессы нашли отражение в 4 главе «Этническая идентичность: проблемы выбора». Глава состоит из четырех параграфов. Переосмысление идентичности наиболее активно происходит в местах «несимметричных» межэтнических контактов. В §1 «Идентичность эвенков и эвенов и ее исследования» показано, на примере научных исследований С.И. Николаева и И.С. Гурвича в 1950-60-е годы в этнически смешанной среде, что данный вопрос вызывал неизменный интерес

³² Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // ЭО. 2007. №5.

³³ С 2007 г. в результате объединения автономных округов ряд субъектов Российской Федерации стал носить новые названия – Забайкальский край, Камчатский край.

и приводил к выводам, коррелирующим с современными подходами. Эти исследования проводились до официального введения в терминологический аппарат советской этнографии термина «этнос» и теории этноса. Они учитывали те характеристики, которые сами члены группы считали для себя значимыми и на основе которых, в числе других признаков, формируется осознание человеком своей принадлежности к этнической общности.

В §2 «*Внешние факторы формирования этнической идентичности*» подчеркивается, что, в соответствии с законодательством РФ и ее субъектов статус коренных малочисленных народов Севера наделяет людей, в т.ч. из смешанных браков, особыми правами и обещает определенные социально-экономические преференции. Сегодня важное значение при выборе этнической идентификации имеет возможность доступа не только к биологическим, но и к социальным ресурсам, — прав, которые осуществляются, в частности, через институт льгот. Их реализация часто затруднена из-за отсутствия порядка документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Мобилизация этничности, вплоть до перемены «бумажной» идентичности, может быть вызвана угрозой крупного промышленного проекта на землях «традиционного природопользования», как в случае с эвенками-хамниганами в Закаменском районе Республики Бурятия.

Автор подчеркивает, что сегодня значительную роль в выборе этнической принадлежности имеет фактор усиления самосознания. На каком же основании оно формируется, какие «этнические» признаки сами члены группы считают для себя значимыми? В §3 «*Внутренние факторы формирования этнической идентичности*» они выявлены с точки зрения самих информантов, путем индивидуальных опросов и интервью, которые представлены на страницах диссертационной работы. Хорошо прослеживается территориальная/локальная, в меньшей степени, и неравномерно, родовая идентичности. Люди считают важными этнодифференцирующими границами язык, родовую/родственную принадлежность и внешний облик, территорию и общность происхождения, хозяйственные занятия и образ жизни, связь с природой, особенности характера и поведения, причем эти признаки рассматриваются во взаимосвязи и совокупности. Критерии этнической принадлежности особенно активно обсуждаются в национальных республиках. В определении этнической принадлежности язык отходит на второй план там, где люди выросли в смешанном или перешедшем на иной язык культурном сообществе. Эвенки и эвены считают традиционные занятия и образ жизни важным фактором сохранения всей этнической культуры и построения идентичности, причем не только тех, кто непосредственно хозяйствует в тайге и тундре, но и поселковых и даже городских жителей, что показано на примере школьных программ во второй части работы. В §4 «*Поэт и художник: мобилизация этничности*» автор обращает внимание на искусство поэта из Якутии Д.Т. Апросимова и художника из Бурятии В.П. Кондакова, выросших в смешанной этносоциальной среде и

сформировавшихся на основе и в симбиозе двух и более культур, и которые активно используют этническую тему в своем творчестве.

Во второй части диссертационного исследования «Формирование человека», состоящей из трех глав, рассматриваются пути формирования человека, в т.ч. его родовой и этнической идентичности в традиционной и современной культурах. В 1 главе «*Душа, реинкарнация и узнавание*» выясняются пути формирования родственной идентичности человека. Вначале автор касается проблемы аутентичности терминов и употребления термина «душа». Отмечено, что концепты «душа», «дух» в эвенкийской и эвенской культурах настолько взаимопроникают друг в друга, что подчас неделимы. Система понятий душа/дух в эвенкийском языке, в отличие от русского, многоядерная, с центром и периферией, с ярко выраженной диффузностью³⁴. Выясняется «номенклатура» душ по их названиям: *оми*, *бэйз*, *майн* и *ханин/ханан*, у эвенов – основной, а часто и единственный термин для обозначения души – *ханян*, известна душа *оми*.

В диссертации, исходя из терминологии, подчеркивается влияние монгольского и тюркского миров на представления эвенков и эвенов о душе. Души могут трансформироваться на протяжении жизни человека и по его смерти. Автором выявлена терминологическая и смысловая общность в этой сфере у восточных эвенков и эвенов с негидальцами, орочами, уйльта (ороками), удэгейцами и нанайцами: все они используют термин *ханя*, *ханян/панян* для обозначения бессмертной души. У эвенков две души считались бессмертными – *оми* и *ханан* (зейск., нерч.), с приоритетом души *оми* у западных групп. Пересечения и сходства есть у эвенов северного побережья Охотского моря с восточными эвенками (в частности, забайкальскими и приамурскими ороचनाми). У западных, отчасти восточных эвенков, негидальцев и нанайцев зафиксирован термин *оми/оми* для детской души-птички и души взрослого человека. Сравнение терминов *арикса/арикша* у подкаменно-тунгусских эвенков, *арисау/аринкл* у эвенов, *арэнки*, *аринкл* у восточных эвенков (с вариацией значений) приводит автора к выводу о сходстве в этой области культуры между эвенками северного побережья Охотского моря и восточными эвенками, а также, предположительно, с подкаменно-тунгусскими эвенками.

В §2 «*Реинкарнация и узнавание*» рассмотрены представления эвенков и эвенов о возрождении, т.е. реинкарнации души после смерти человека. Жизнь человека неслучайна, она «вплетена» в круг перерождений («глубиной») обычно не более четырех поколений. Именно в этих минимальных пределах выдерживался раньше закон экзогамии. Идея реинкарнации души широко распространена среди гижигинских эвенов, возможно, из-за палеоазиатского влияния, известна у дальневосточных эвенков. Подкаменно-тунгусские эвенки

³⁴ Черникова Е.В. Концепты душа и дух в русском, английском и эвенкийском языках (сопоставительное исследование на фразеологическом уровне) // Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. М., 2005.

в 1930-е годы ею объясняли наследование шаманского дара. В свете сказанного делается понятнее не только становление шаманов, но и устойчивость этнического в рассматриваемых культурах. Обряды узнавания младенца в группе гижигинских эвенов, что показано в работе, свидетельствуют о сильном влиянии на них коряжской и чукотской культур.

Глава 2 «Имянаречение» состоит из двух параграфов. §1 *«Имя: ретроспективный взгляд»* кратко рассматривает вопрос образования имен и фамилий у эвенков и эвенов. В повседневной жизни имена практически не употреблялись: существовала и до сих пор частично сохраняется традиция называть друг друга в терминах родства и свойства, поскольку новорожденный сразу занимал определенную позицию в системе социальных отношений. Наречение именем и социализация в «аутентичной» среде прикрепляли человека к определенной территории и социальному коллективу. §2 *«Современные имена и прозвища»* прослеживает преемственность традиций имянаречения в тунгусской культуре. Несмотря на глобальные перемены – уход из повседневного семейного обращения терминов родства и свойства, переход на русские, якутские, бурятские имена, фамилии и отчества; появление прозвищ на других языках; потерю «привязки» имени человека к определенному месту и времени – сохраняются важные составляющие традиции имянаречения. Это наличие индивидуального имени, теперь, как правило, европейского (или бурятского, якутского), иногда двух имен, которые необходимы, чтобы человек был включен в контекст внешних социальных отношений. На конкретных примерах показано широкое распространение прозвищ у эвенков – двух одновременно или, чаще, нескольких, меняющихся на протяжении жизни. У эвенов зафиксировано меньше прозвищ, но для окончательных выводов потребуются дополнительные полевые исследования. Прозвище было и остается необходимым в локальной группе, в определенной степени отграничивая ее от «чужих» и являясь «ключевым словом» для актуализации локальной памяти. Сегодня, как и сто лет назад, имя и прозвище – это знаки и маркеры конкретного человека в изменяющемся социальном пространстве.

Глава 3 «Социализация» состоит из двух параграфов и посвящена проблемам социализации человека в традиционной и современной культурах – приобретении им навыков традиционного природопользования и формировании идентичности. В §1 *«Воспитание в традиционной культуре»* показаны характерные особенности социализации ребенка в традиционной культуре. Здесь много общего у всех народов Севера. Основным путем оставалось воспроизводство традиции на основе примера и опыта старших и обязательной самостоятельной практики. В диссертации подчеркивается роль устного словесного творчества, бытовых рассказов, содержащих мировоззренческие основы и правила поведения, участие детей в праздниках и обрядах. Не менее важным было практическое овладение навыками охотника, оленевода, рыбака, приобретение необходимых знаний и опыта. Специфика социализации состояла в том, что она шла по боковой родственной (родовой) линии и определялась социальной структурой и брачными предпочтениями. У

эвенков и эвенов особую роль в воспитании детей играл прежде брат матери. Сейчас в основном — это бабушки близкого и дальнего родства и свойства. Становится понятным в этом случае механизм устойчивости культуры и передачи традиционных знаний и навыков. В §2 *«Школьное образование и воспитание»* на примере устных историй показана роль школ и интернатов в вытеснении традиционной модели социализации детей-северян и адаптации детей и родителей к новым реалиям жизни. При обучении в школах, особенно интернатского типа, эвенкийские и эвенские дети испытывают немалые трудности адаптации, поскольку воспитание в традиционной среде зачастую расходится с моделями поведения и ценностями, предлагаемыми доминирующими группами.

Сегодня большинство эвенков и эвенов живут в поселках и городах, учатся в школах, интегрированы в ритмы современного общества. Поддержание, воспроизводство культуры в разных формах осуществляется путем образовательных программ с этнической составляющей, прежде всего в области языка и природопользования, праздников. Примеры организации обучения в летних экологических и этноэкологических школах, приведенные в диссертации, показывают новые подходы в воспитании: понимание ценности традиционного образа жизни через людей, язык, место и действие.

Третья часть представленной работы посвящена вопросам типологии и преемственности традиционного природопользования. Она состоит из трех глав. В *главе 1 «Хозяйствование и природопользование»* три параграфа, в первом из которых обсуждается проблема дефиниций. Автор кратко останавливается на трактовке термина «традиционное природопользование» в научных исследованиях и в текстах законов, принятых на рубеже XX–XXI веков, подчеркивая высокий уровень политизированности терминологии в данной сфере. Традиционное природопользование — это операциональная категория, характеризующая этнический способ взаимодействия с природной средой, который не остается неизменным.

В §2 *«Хозяйственные комплексы и отрасли»* дана характеристика типов хозяйственных комплексов эвенков и эвенов, проведено их сравнение и прослежена трансформация. У обоих народов преобладали хозяйственные комплексы таежных и горнотаежных охотников-оленьеводов. Однако спектр хозяйственных вариантов изначально был более широк, с ним не сравнится ни один из народов Севера, что показывает адаптацию тунгусских культур к экологическим нишам степи, лесостепи, тайги и горной тайги, лесотундры и тундры, морского побережья, — как и к разнородной этнокультурной среде при сохранении тунгусской культурной и языковой общности³⁵. Автором показаны расходящиеся естественным образом хозяйственные комплексы эвенков и эвенов: у последних в результате выхода в новые экологические и этносоциальные ниши стало развиваться крупнотабунное оленеводство.

В условиях государственного патернализма в рамках созданных в советское время колхозов и совхозов комплексное прежде хозяйство эвенков и

³⁵ Василевич Г.М. Эвенки... С. 257.

эвенов стало высокоспециализированным. Оленеводство было обобществлено и превратилось в основную товарную отрасль для всех групп эвенов и многих групп эвенков. В 1930-40-е годы колхозные олени использовались как средство транспорта для геологоразведочных экспедиций. Изменились способы его ведения, произошли его механизация и модернизация. Охота велась специальными бригадами в составе колхозов и совхозов, а также в промысловых хозяйствах, созданных в таежной зоне Сибири в 1950-60-х годах.

На фоне ослабления роли российского государства на Севере в период социально-экономического кризиса 1990-х годов произошел отток приезжего населения. Возросла жизнеобеспечивающая роль традиционного хозяйства северных народов, произошли его демодернизация, возвращение к натуральной экономике и бартерному обмену. В прибрежных районах Дальнего Востока России рыболовство стало основной жизнеобеспечивающей отраслью, но именно в рыболовстве народы Севера столкнулись с сильнейшей конкуренцией. В охоте государство отказалось от монополии на заготовку и торговлю пушнинной, оставив за собой регулирующие функции выдачи разрешений на доступ к охотничьим участкам и биоресурсам. Произошло обвальное сокращение численности домашних оленей. Практически полностью исчезло введенное в советский период клеточное звероводство, прекратился прием дикоросов. Народы Севера, и эвенки и эвены, в частности, пытались заниматься «нетрадиционными» видами хозяйства, включая золотодобычу, добычу цветных камней. Обострилась ситуация с обеспечением прав народов Севера на традиционное природопользование и образ жизни, что заставило российское государство на рубеже XX–XXI веков принять пакет «этнических» законов: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2000), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001).

В §3 *«Землепользование и циклы кочевания»* анализируются традиции землепользования охотников-оленьеводов, регулируемые обычным правом. Это коллективное и временное пользование территорией, при условии постоянного освоения; привязанность к «своим рекам» и проницаемость границ; отсутствие частной собственности на территорию. Далее рассмотрены некоторые закономерности «традиционного» кочевания эвенков и эвенов, направления которых диктовались необходимостью доступа ко всем возможным ресурсам среды, и были связаны с водоразделами. Циклы кочевий крупных оленеводов становились более постоянными. Основные причины, которые вызывали дальние передвижения – поиск новых угодий, эпидемии, межплеменные столкновения, уход от государственного/ административного контроля. В диссертации обращено внимание на «Тунгусское восстание» 1924-1925 годов на Охотском побережье и тактику ухода в глубинные районы тайги как форму сопротивления власти.

Автором показаны основные цели и шаги по землеустройству на Севере, предшествовавшие коллективизации. Землепользование в советское время в колхозах и совхозах осуществлялось в условиях общегосударственной собственности на землю, идеи и практики приоритета государственных интересов и поддержки сельского хозяйства. В результате проведения новых административных границ, а также создания колхозов и совхозов направления передвижений стали более ограниченными. В конторе совхоза висела карта маршрутов отдельных бригад, которые контролировались совхозным начальством. Несмотря на это, вариативность в выборе маршрутов была, границы преодолевались благодаря сохранившимся родственным, брачным связям, а также параллельному жизнеобеспечению, в своей основе не подвластным тотальному контролю. Таким образом, взаимосвязь с землей и ответственность за нее сохранились и после всех драматических перемен XX века.

После роспуска совхозов в землепользовании были прослежены следующие черты: более хаотичный характер кочевания; изменение миграций в сторону кредитоспособных пунктов обмена и к родственникам; сокращение ареалов кочевий при возросшей конкуренции за территории со стороны различных землепользователей; недоопромысливание отдаленных охотничьих угодий; стремление придать отдельным административным территориям статус национальных, закрепить земли в пользование, аренду или частную собственность на территориально-субъектном уровне.

Сегодня в земельных отношениях в России широко внедряются рыночные отношения: платность использования природных ресурсов, аукционное или конкурсное распределение земельных, лесных, рыбопромысловых участков и охотничьих угодий, квот и разрешений на биоресурсы. Несоввершенство законодательства и конфликт интересов приводит к тому, что принятые в отношении народов Севера законы «не работают». Не создано ни одной территории традиционного природопользования (ТТП) федерального значения, а ТТП регионального и муниципального значения юридически неправомочны. Новый вариант Закона предусматривает выведение территорий традиционного природопользования из состава особо охраняемых природных территорий, что может привести к ограничению прав народов Севера.

В главе 2 *«Субъекты природопользования»* два параграфа. В §1 *«Хозяйственное объединение»* рассматриваются типы традиционных хозяйственных коллективов, дается их характеристика как родственных и территориальных объединений. Автор обращает внимание на их мобильность, пластичность, готовность к быстрой переконфигурации в зависимости от жизненных потребностей, что свойственно и другим северным сообществам³⁶. Состав хозяйственного коллектива определялся, в частности, составом семьи и локальной группы, типом хозяйства и конкретной хозяйственной задачей, состоянием природной ресурсной базы, а также локальными стратегиями, не

³⁶ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

связанными с адаптацией к среде³⁷. Структура хозяйственных объединений таежных и горнотаежных эвенков в определенной степени сравнима с таковыми у лесных ненцев и таежных хантов; эвенов — с ненецкими и корякскими и чукотскими тундровыми и лесотундровыми социально-хозяйственными объединениями. И хотя промысел в таежной зоне обеспечивал достаточную автономность отдельных эвенкийских и эвенских семей, необходимость в контактах с внешним миром с целью обмена и установления социальных связей была очень высока. И в этом было их отличие, например, от лесных ненцев, как они показаны А.В. Головневым³⁸.

В §2 «Трансформация хозяйственных объединений» проанализирована политика разделения на классы, проводившаяся советским государством в 1920-30-е годы в эгалитарных охотничье-оленьеводческих обществах. Эта политика была направлена на кардинальное изменение хозяйствующего субъекта, изоляцию крупных оленеводов и авторитетных людей, территориальное и профессиональное разделение семьи, замену бытового кочевания производственным. Благодаря традиционной мобильности и пластичности хозяйственных коллективов эвенки и эвены сумели приспособиться к новой организации производственных объединений. Сработали культурные механизмы выстраивания хозяйственных коллективов: природные способности людей, их навыки, умения, предрасположенность к тому или иному виду деятельности, связь человека с определенными оленями и территорией, — что при смене формы собственности «удержало» внутреннюю конфигурацию первичных хозяйственных коллективов, хотя ей и был нанесен огромный урон. В качестве примера автор обращается к истории рассохинских эвенов, коллективизированных лишь в 1959 г. и уже в начале 1990-х годов оставшихся наедине с новыми серьезными проблемами.

В 1990-е годы на месте хорошо организованного, пользующегося поддержкой государства крупного производственного сектора возникли небольшие хозяйствующие субъекты — «родовые общины», «хозяйствующий субъект абориген» и другие, зарегистрированные как крестьянско-фермерские хозяйства, общества с ограниченной ответственностью и т.д. Они не смогли решить проблему с занятостью, так что сегодня высок уровень официальной и скрытой безработицы. Автор рассматривает путь от совхоза к родовой общине в Республиках Саха (Якутия), Бурятия и в Иркутской и Магаданской областях. Важная черта современного российского законодательства — расширительный принцип формирования родовых общин народов Севера — отражает сложившиеся реалии природопользования и большое число этнически смешанных семей на севере России. В диссертации обращено внимание на муниципальные унитарные предприятия (МУПы), как крупные хозяйственные объединения с позитивным наполнением.

³⁷ Адаев В.Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р.Демьянки, 1930-1980-е гг.) // Уральский исторический вестник, 2010, №2.

³⁸ Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С.57.

Часто индейцам кри ставят в укор их «соглашательскую» позицию во взаимодействии с промышленниками. Как показал канадский антрополог Х. Фейт, истоки такого отношения коренятся в культурной традиции дележа, которая в той или иной форме была свойственна всем эгалитарным обществам мира³⁹. В *главе 3 «Нимат. Обычай дара/дележа»* анализируется обычай дара/дележа у эвенков и эвенов. Он имеет у них практически полное сходство, что свидетельствует о родственных охотничьих корнях их культур. В основе этого обычая лежит целый спектр представлений, в нем в концентрированном виде отразилась вся философско-мировоззренческая система тунгусского общества.

В диссертационном исследовании рассмотрены, кроме «исходной» формы дара/дележа, иные его формы, практикующиеся в современности – гостевание, угощение, коллективная трапеза, дележ денег, товаров и даже «дележ» территории (для охоты или для нефтегазодобычи). Дар становится дележом и дележом более формализованным, по схеме дарообмена. Философия дара/дележа стала яркой идентификационной чертой эвенков и эвенов. Автор предлагает объяснения дележа у северных тунгусов: это разновидность социально-экономических и родственных отношений между людьми и между людьми с природой и ее духами-хозяевами. Нимат обеспечивал связь между кочевниками не только взаимобращных, но и неродственных родов по поводу использования земли и ее ресурсов. Вероятно, этот обычай помогал расселению тунгусов по территории Сибири, когда им приходилось внедряться на земли, занятые другими этническими группами.

В четвертой части «Восприятие времени и культурный ландшафт» образы пространства и времени рассмотрены автором в совокупности, как факторы, структурирующие и организующие всю жизнь социума, участвующие в формировании этнической идентичности. Анализ восприятия времени и систем его счета в культурах эвенков и эвенов показывает больше сходства, чем различий между ними. В четвертой части четыре главы.

Глава 1 «Восприятие времени» состоит из четырех параграфов. В §1 «Взаимосвязь пространства и времени» показано, что пространственно-временной континуум – единственный фон, на котором разворачиваются все явления природы и культуры, а представления о времени – важнейший принцип, организующий человеческую деятельность. Для культур эвенков и эвенов характерно циклическое понимание времени, нашедшее отражение как в мифологии, так и в повседневной жизни. Традиционно время понималось через пространство или через определенное, всем известное действие, прожитое в пространстве, и превратившееся в культурный стереотип. Отмечены рассказы о случаях «встреч» гижигинских эвенов с «теньями» бывших узников ГУЛАГа. В §2 «Эколого-хозяйственный календарь» дана сравнительно-типологическая характеристика календарей эвенков и эвенов. У

³⁹ Feit H.A. James Bay Crees' Life Projects and Politics: Histories of Place, Animal Partners and Enduring Relationships // In the way of development: indigenous peoples, life projects and globalization. Ed. By M. Blazer, H.A. Feit and G. McRae. L-N-Y, 2004.

них существовало несколько календарных систем: эколого-хозяйственная; по частям тела; юлианский/григорианский календарь. Отдельные группы забайкальских, дальневосточных эвенков заимствовали элементы системы буддийского счета времени у бурят, монголов, маньчжуров. Эти календарные системы, появившись в определенные исторические периоды, в той или иной степени сосуществуют.

Принято считать, что календари эвенков и эвенов отличаются тем, что первые отражают природные, фенологические и хозяйственные явления, в то время как вторые характеризуют определенные периоды года. Автор показывает, что и тем и другим был известен эколого-хозяйственный календарь. Варианты календарей показывают локальную специфику природных условий и хозяйственных занятий. Эколого-хозяйственный календарь бытует среди тех, кто большую часть времени ведет традиционное природопользование.

Если образ времени составлен из линейного и циклического счета, то праздники являются его узловыми точками. В §3 *«Обряды-праздники в календаре и их трансформация»* показана трансформация и преемственность праздничной культуры и ее роль для формирования идентичности. В связи с мнением о разных традициях праздничной культуры у рассматриваемых народов автор затрагивает проблему соотношения праздника и обряда. Хотя «традиционные» календари эвенов по сравнению с эвенкийскими отличает перечень месяцев с названиями, обозначающими периоды встреч и праздников, принципиальной разницы в их праздничных календарях автор не видит. Для эвенков были характерны сезонные (календарные) обряды, которые не нашли отражения в календаре, хотя и проводились с определенной периодичностью. Многодневные сезонные обряды эвенками уже не практикуются; лишь некоторые их элементы восстановлены по воспоминаниям людей и трудам ученых и вошли составной частью в современные праздники. Влияние палеоазиатского календаря на эвенкийский в связи с праздниками, вероятно, было. Но, как показано автором, традиционные праздники эвенов отличались от чукотских и корякских: они проводятся преимущественно весной и летом и имеют не самую прямую связь с хозяйственными занятиями. В местах контактов с якутами, бурятами, русскими и другими народами заметно влияние их «праздничной» культуры.

Современные праздники бывают локальными, региональными и общэвенкийскими и общэвенскими. В городах и поселках летние национальные праздники объективно приобретают межнациональный характер, у них новое звучание и семантические смыслы. Появились и новые праздники – например, День Урожая, проводящиеся в п. Холодное Республики Бурятия, п. Гарманда Магаданской области. Профессиональные праздники обычно имеют локальный характер, они привлекают внимание к традиционным занятиям, повышая социальный статус вовлеченных в них людей, а также служат целям объединения сообщества, территориально, а нередко и ментально разделенного по линии поселок/город – тайга/тундра, «современные»/«традиционные».

В §4 «Суставный календарь» анализируется до сих пор не разгаданный феномен суставного календаря, или счета времени по частям тела. Наиболее полно он сохранился у эвенов, но был известен также восточным и западным (?) эвенкам, негидальцам, нанайцам, юкагирам, упоминается у коряков. Его толкование и у эвенков, и у негидальцев потеряно. В диссертации рассмотрены различные гипотезы происхождения «суставного календаря», ни одна из которых пока не принята. Автор склоняется к мнению о дорусском происхождении суставного календаря.

Локальное время и варианты его счета постепенно оказались соотнесены со временем общероссийским и, шире, общемировым. Переход от подвижных природных сезонов года к фиксированным месячным отрезкам, а также замена их названий знаменуют утрату непосредственной связи календаря с традиционной системой хозяйствования. Но при этом локальное, циклическое время не исчезло там, где люди сохранили взаимосвязь с землей, этническое/традиционное природопользование.

Во 2 главе «Восприятие земли» показано, что освоение времени и пространства происходит в результате жизнедеятельности, когда хозяйственно-бытовая активность тесно связана с экологическим и духовным постижением мира. Традиционное природопользование эвенков и эвенов требовало перемещений на значительные расстояния и способствовало формированию у лесных охотников пространственного мышления. Глава состоит из двух параграфов.

В §1 «Следопыты» говорится об уникальных навыках ориентации охотников-оленьеводов, связанных с непрекращающимся опытом жизни в природе, знанием её особенностей и закономерностей. Ориентировка в пространстве земли стала важнейшей идентификационной чертой у этих народов: человек, не умеющий ориентироваться, не считается настоящим эвенком, а люди, которые могут найти новые места для жизни, пользуются особым уважением. Великолепны картографические способности тунгусов, неоднократно описанные исследователями. Автор делится и своими наблюдениями в этой области, обращая внимание на особую роль следа в рассматриваемых культурах. В диссертации рассматриваются условные знаки как следы, оставленные для ориентации и коммуникации с себе подобными.

Знание земли, ее экологических особенностей и социальной истории в условиях бесписьменной традиции нашло отражение в топонимике, что рассмотрено в §2 «Топонимы». Автор показывает, что топонимические материалы использовались этнографами преимущественно для разработки тем этногенеза и этнической истории, лингвистами – для составления словарей и лингвистического анализа. Но с топонимом часто связана и локальная устная история, которая при вышеназванных подходах не принималась во внимание. Названия природных и географических объектов не остаются неизменными, судя по относительно поздним и многозначным названиям территории, занятой, к примеру, гижигинскими эвенками.

Любое безымянное место уже имеет свое протонимы (прототопоним), которое содержится в типе места, угоды⁴⁰. Эвенкийские и эвенские названия местности свидетельствуют об умении находить опорные точки в восприятии пространства, классифицировать его, а также проецировать в название событийную составляющую. В диссертации показано практически полное сходство в принципах наименования территории, основанное на природопользовании в схожем географическом пространстве. Приводятся эвенкийские и эвенские гидронимы, систематизированные по признакам: ориентировки; особенности рек и приречного ландшафта; растительного и животного мира реки и ее окрестностей; жизнедеятельности; названий родов или имен собственных. Впервые рассматривается феномен двойных наименований объекта, имеющий, впрочем, крайне ограниченный характер по сравнению, например, с инуитами Канады. Названия мест свидетельствуют о длительных отношениях людей с их землей и хранят информацию об экологии, географии, космологии, истории. Опыт Канады, Австралии свидетельствует, что аборигенная топонимика может использоваться и как политическо-мобилизационный ресурс. Автор подчеркивает важность топонимов, как свидетельств освоенной и обжитой территории, для обоснования земельных притязаний (в совокупности с другими данными), а также для процесса социализации и формирования идентичности эвенков и эвенов.

Глава 3 «Поселение и жилище» состоит из четырех параграфов, содержание которых логически связано сравнительно-типологическим и историко-культурным анализом.

В §1 «*Типы кочевых поселений*» даются эвенкийские и эвенские термины в отношении сезонных кочевых поселений, названия которых соответствуют четырем, реже шести сезонам года, и их краткая характеристика. Обычно их различают в зависимости от сроков обитания – временные стойбища оленных эвенков *урикут* и постоянные (чаще зимние) стойбища на берегах рек *мэнээн*. По материалам автора, эвенки и эвены до сих пор разделяют свои кочевые поселения, делая акцент на составе кочевого коллектива и хозяйственных занятиях. Так, *урикут* – это стойбище, в котором живет от недели до месяца вся семья (или кочевая группа) в полном составе. На стойбище *мэнээн* оставалась только часть семьи.

В §2 «*Традиционное жилище: сравнительная типология*» дается характеристика эвенкийских и эвенских традиционных жилищ: конических чумов *дю* (эвенк.), *илкан* (эвен.), цилиндро-конических жилищ эвенов *чорама дю*, а также некоторых других типов традиционных жилищ. Жилище *эвын дю/чорама дю* с цилиндро-коническим каркасом и с одним или, реже, двумя входами распространилось с расселением эвенов на Северо-востоке и Дальнем Востоке Сибири с XVIII в. Происходит, с одной стороны, постепенный переход отдельных эвенских семей к крупнотабунному оленеводству, с другой, увеличение роли рыболовства на проходную рыбу лососевых пород, что требовало концентрации в одном месте и в одно время больших по

⁴⁰ Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008.

размеру социальных коллективов и дополнительного хозяйственного пространства. Автор не исключает и бывшие весьма характерными для периода расселения эвенов по Северо-Востоку XVIII в. частые столкновения с соседями — коряками, чукчами и необходимость нахождения в одном жилище большего числа людей. Вопрос о происхождении цилиндро-конического жилища в тунгусской культуре следует рассматривать в контексте этнических контактов с палеоазиатами, а также, вероятно, южными тунгусо-маньчжурами, монгольскими и тюркскими (алтайскими) народами.

Выбор материала покрытия был обусловлен природными условиями, хозяйственными занятиями, культурными традициями и заимствованиями. С появлением двух входов менялась внутренняя планировка жилища, а именно расположение почетного, сакрального места, что сближало «тунгусский» тип планировки с самодийским. Типы жилищ у неоседлых эвенков и эвенов изменялись под влиянием культурных контактов с самодийцами, южными тунгусо-маньчжурами, палеоазиатами, тюрко-монголами.

Архитектуру неоседлых эвенков и эвенов отличает мобильность, использование всех возможных ресурсов среды, минимальность временных и энергетических затрат для строительных работ, простота конструкции, вариативность при сохранении основы. Следует отметить высокую адаптивную способность в данной области культуры, заимствования от соседних народов. Мобильная (кочевая) архитектура имеет сугубо индивидуальный характер за счет того, что проектировщик, строитель, житель, «ландшафтный дизайнер» совмещаются в одном лице. Эта особенность породила и различные ограничения и предписания в использовании чужого жилого пространства, которые рассмотрены ниже.

В §3 «*Советские трансформации и жилища*» показано, в том числе на устных историях конкретных людей, как, пройдя через форсированные и неизбежные трансформации советского времени — по-новому организованную систему природопользования, перевод на оседлость и связанный с ним переход в новые жилища, — сегодня абсолютное большинство эвенков и эвенов, в т.ч. и неоседлых, считают необходимым иметь хороший дом, квартиру в поселке или городе. Среднее и молодое поколение считает поселки, в которых они родились и живут, исконно своими. Жилищная проблема встала перед ними достаточно остро: жилищный фонд не обновлялся на Севере (за исключением некоторых регионов Западной Сибири и Чукотки) с советского времени, большинство жилья, по данным переписи 2002 г., неблагоустроено. Люди старшего и среднего возраста, живущие в поселках или кочующие в новых местах после переселений, ментально по-прежнему связаны с местами своих кочевий. Это находит аналогии в других культурах — например, у тлинкитов Северной Америки⁴¹. Таким образом,

⁴¹ Шнирельман В.А. Формирование этничности: тлингиты юго-восточной Аляски в конце XX в. М., 1999 (ИПНЭ, №123).

ассоциирование с родиной, прежним местом жительства себя и/или предков оказывается важной чертой современной идентичности.

В §4 анализируется «*Современное неоседлое жилище и хозяйственные сооружения*». Коническое жилище продолжает бытовать у западных групп неоседлых эвенков, у эвенов сооружается значительно реже. Оно есть у дальневосточных эвенков, но их основное переносное жилище сегодня – палатка. В Магаданской области бытуют комбинированные жилища, состоящие из прямоугольной двускатной палатки, сочлененной с традиционным эвенским коническим (реже цилиндро-коническим) каркасным жилищем, чаще с его половиной. Срубные дома есть в поселках, на зимних маршрутах кочевий и на промысловых участках. В деревнях в районах проживания эвенков *голомо* сооружается как хозяйственное помещение. В конце XX в. вместо *голомо* у туруханских эвенков появились зимние и летние стационарные *балки*.

Внутренняя планировка жилища существенно не изменилась. По-прежнему место *малу* считается почетным. По материалам автора, принципиальных различий между самодийской, тунгусской и, в меньшей степени, тюрко-монгольской планировками сегодня не прослеживается.

К концу XIX – началу XX вв. сформировался стандартный набор хозяйственных построек, разнообразие которых явилось следствием большей оседлости и влияния соседних народов. Кроме настилов *уммэвун*, на территории летнего стойбища сооружают дымокуры *хаммин/саммин*, треножники *ханин* для костра *гулувун*. Дымокуры в тундре и лесотундре не делают. Названия настилов и вешал, общие для всех групп эвенков и эвенов, и разные в отношении одного и того же типа лабаза можно объяснить поздним появлением лабазов как специальных хозяйственных сооружений. В работе дается их характеристика.

Глава 4 «*Сакральный ландшафт*» посвящена проблемам типологии и сохранения сакрального ландшафта у эвенков и эвенов. В данной главе автор показывает, как законодательство влияет на практику выявления, описания и дальнейшего функционирования священных мест, становящихся «объектами культурного наследия», изменяя, в свою очередь, традиционное мировоззрение и отношение к земле. Глава состоит из шести параграфов.

В §1 «*Проблемы определения и типологии*» речь идет о проблемах изучения, определения и типологии сакрального ландшафта. Автор показывает, что сакральный ландшафт до начала 1990-х годов в отечественной этнографии изучался как элемент традиционной духовной культуры. Эвенки и эвены не делили священные места на мужские и женские, не имели при них специальных хранителей, как это было в отношении хранения мужских священных мест у обских угров. Их священные места необязательно сопровождал соответствующий топоним (как у хантов), но с ними часто связана устная история. Топографию особых (сакральных, заповедных) мест эвенков и эвенов отличает рассредоточенность по пространству освоенной территории (у хантов, приречных рыболовов, священные места более «привязаны» к рекам и озерам), слабая локализованность и высокая

вероятность изменчивости, а также взаимопроницаемость с остальным ландшафтом. Мир представляет собой сеть взаимосвязей, кроме того, он сотворен высшими силами и поэтому весь священен. Это особое отношение в определенной степени сохраняется до настоящего времени, подпитывая культуру и идентичность.

Реалии природопользования народов Севера России, столкнувшихся с промышленными разработками, и зарубежный опыт в этой сфере привели к необходимости выявления и изучения сакральных мест как объектов, нуждающихся в защите. Современное российское законодательство и практика его применения в отношении народов Севера объективно сужает и дробит понятие природы как священного начала, сводя его до фиксированных «территорий традиционного природопользования» и «достопримечательных» и иных мест. Как показывает мировой опыт, в этом случае неизбежна их бюрократизация, музеефикация и консервация, что, по сути дела, работает на трансформацию традиционных представлений и норм, хотя и решает насущную задачу – сохранить от разрушения некоторые части территорий.

В §52–6 автор предлагает типологию различных объектов, которые чаще всего попадают в категорию «сакральные» с амбивалентным смыслом: старые стоянки, жилища, хозяйственные сооружения; места шаманских камланий; писаницы; места захоронений. В диссертации дана их характеристика и прослежены правила поведения в их границах, выраженные в устной традиции. Многие нарративы впервые вводятся в научный оборот.

§7 «Проект нефтепровода ВСТО и проблемы сохранения культурного ландшафта» написан на основании этнографических наблюдений и социологических опросов, проведенных в 2005 г. в рамках экспертизы Оценки воздействия на окружающую среду проектируемого нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» вдоль северного побережья озера Байкал⁴². Защитить сложившийся культурный ландшафт на основании Закона «О территориях традиционного природопользования...» практически невозможно; работа велась в соответствии с Законом РФ «Об объектах природного и культурного наследия...» (2002). На примере истории выявления памятника республиканского значения «Тропа памяти» близ с. Холодное автор показывает, что в культуре эвенков пока не выработан механизм презентации таких мест посторонним, или он носит невербальный характер. Процесс создания священных мест актуализируется в случае угрозы земле, на которой живут люди. Большую роль в их выявлении имеет совместная работа антропологов, местных жителей, общественных организаций.

В пятой части диссертации, состоящей из трех глав, анализируются «Мировоззренческие основания традиционного природопользования». 1 глава «Природа как субъект. Экологическая этика» разделена на пять параграфов. В §1 «Устные истории» автор приводит мнения городских и

⁴² Автор работала с канадским культурным географом Г. Фонда. Как известно, проект был изменен и трасса ВСТО перенесена на 400 км севернее, ближе к нефтяным месторождениям Иркутской области и республики Якутия.

поселковых эвенков и эвенов с высшим или средним образованием о роли природы в их жизни. Рефреном повторяется: земля – это живая сущность; необходимо уважительное отношение к природе и дарообмен; за нарушения неизбежно наказание. Эти мнения соотносятся с традиционными нормами обычного права, зафиксированными в устной традиции у всех северных народов и регламентирующими жизнь социума, перечень и содержание которых у эвенков и эвенов составляет предмет исследования §2. Автор полагает, что формирование норм обычного права в сфере человеческого общежития было глубинно обусловлено взаимодействием с природой и родилось из его регламентации. Изустно хранящиеся традиционные нормы имеют функциональный характер в связи с продолжающейся охотничье-оленьеводческой практикой. Запреты-обереги представляют собой краткие «статьи» обычного права, нормы поведения, которые получают толкование в текстах рассказов-быличек. Имеется по крайней мере три уровня этих норм, выраженные в формах: полного запрета; настойчивой рекомендации, представляющей собой моделирование ситуации; повествовательно-пояснительной, объясняющей последствия нарушений. В этом проявляется гибкость норм обычного права, когда ожидаемые и неизбежные нарушения, совершенные в силу экстремальных жизненных обстоятельств, можно и нужно исправить. При этом есть безусловные запреты, которые даже не обсуждаются, – настолько опасным считается их нарушение. Кроме того, всегда существует разрыв между нормами, правилами и практикой их применения; его изучение с этнографической точки зрения представляет перспективную, но деликатную исследовательскую тему. В одной из школ на севере Байкала традиции и правила поведения *иты* можно видеть на плакатах, вывешенных в коридорах. Эвенки посчитали необходимым сохранить эти прежде изустные ценности, зафиксировать их на бумаге и в сознании детей как то важное, от чего нельзя отказываться и в XXI в. В настоящее время экологические традиции становятся предметом обучения в школах, темой внеклассных уроков. О важности принципов экологической этики и в социальных отношениях сегодня говорят представители национальной интеллигенции⁴³.

Далее автор обращает внимание на промысловую этику, регулирующую отношения охотников с природой. «Таяжная этика» по существу одинакова для человека любой национальности, она имеет лишь разное культурное обоснование и интерпретацию, причем открытым остается вопрос о степени влияния тунгусской охотничьей культуры на ее формирование. Нормы обычного права на промысле были детерминированы природной средой, социальной структурой мобильных коллективов охотников и оленеводов, обществом, ориентированным на потребление, а не накопление. Таяжная этика основана на вере в возрождение зверя и отсюда – определенное отношение к его костям; соблюдение сроков охоты, гибкость и вариативность в

⁴³ Алексеев А.А. Забытый мир предков. Якутск, 1993; Марфусалова А.Д. Мудрость экотрадиций северян. Якутск, 2002.

использовании животных ресурсов и одновременно возможность нарушений этих норм в критические моменты, угрожающие жизнедеятельности социума. Стратегия выживания характерна для охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ. Поэтому жесткое разделение аборигенных культур на «экофильные» и «экофобные» автор считает внешним по отношению к культурам, а саму постановку вопроса некорректной.

Сегодня экологические по сути принципы и нормы промысловой этики находятся под сильнейшим давлением извне. Они лучше сохраняются в отдаленных и труднодоступных регионах, где меньше конкурентность за биоресурсы. Исполнение этих норм все более переходят на уровень личностного осмысления и интерпретации.

В §3 «*Восприятие природы*» речь идет о понимании эвенками и эвенами природы как субъекта, в связи с чем с ней выстраиваются субъект-субъектные отношения. В §4 «*Дерево, олень, птица – взаимосвязи и пересечения*» автором предложено рассмотреть эти культурные объекты с точки зрения их внутренней взаимосвязи, имеющей, вероятно, архетипический характер. Особенно это касается дальневосточного региона и населяющих его малочисленных народов. Признаки этой связи, не всегда артикулируемые, имплицитно содержатся в культурной традиции. Их можно обнаружить в мифологических преданиях и в произведениях современных эвенских и эвенкийских писателей и поэтов, в традиционном народном искусстве, в верованиях, в фактах повседневной жизни. Автор обращает внимание на некоторые из них.

§5 «*Социальные отношения с животными*» рассматривает представления эвенков и эвенов о животных-родственниках, о различных запретах и ограничениях, — регуляторах традиционного природопользования. В них видится отношение к животным как к существам, подобным человеку, но иного порядка. В диссертации эти представления подробно рассмотрены на примере сакральных животных — медведя и волка. Отношение охотника к медведю как к ситуативно промысловому виду — и рациональное, и экологическое, и одновременно сакральное. Представление о духовной сущности медведя сочетается с практическими знаниями и навыками, необходимыми для его добычи.

Во 2 главе «*Духи-хозяева в системе экологической культуры*» показано, что в представлениях тунгусских народов духи-хозяева не только одухотворяют окружающую природу, но и «регулируют» доступ к ее ресурсам и играют важную роль в сохранении экологического баланса. Это те посредники — помимо государственных органов охраны природы — которые поддерживают в промысловике ощущение его неодинокости в природе. С этой точки зрения в §1 «*Образы духов*» автором реконструирован, вслед за С.М. Широкогоровым и Г.М. Василевич, условный «пантеон» божеств и духов-хозяев у эвенков; впервые он выстроен для эвенов. В основе представлений о множественности и многофункциональности духов, их изменении во времени и пространстве лежат разные источники и хронологические границы.

В настоящее время более всего сохраняются представления о духах-хозяевах земли, местности, реки, горы, огня; они имеют и специфические, и общие черты. Дух-хозяин тайги *эхэжэн/хинжэн/синжэн, байанай/барылах/барылак, оджен/эджэн, мангу/маин, дагачан, урэткэ* (эвенк.), *байанай, эджик* (эвен.). У эвенков и эвенов Якутии, севера Забайкалья и Дальнего Востока сильно влияние якутских и, шире, тюркских представлений о *Байанае* как хозяине тайги. Но и среди них сохраняется женский образ духа-хозяйки тайги, который Г.М. Василевич считала исконно тунгусским, хотя он имеется и у алтайцев. Представления о духе-хозяине местности у эвенов тесно связаны с представлениями об огне.

Своеобразный культурный феномен на Северо-Востоке Азии среди современных эвенов и якутов – образ духа *хэйе(к)*, от реального человека/народа (в первичном значении «враг») он эволюционировал через образ полуфантастического существа к духу гор или злему духу. У гижигинских эвенов *хэйэк* ассоциируется с реальным народом, и они «заимствовали» образ духа гор *неклян* у коряков.

Наиболее значимые фигуры пантеона эвенков и эвенов имеют между собой сходство, при значительной вариабельности, которая отражает исторические и культурные связи их предков, например, с палеоазиатами, южными тунгусо-маньчжурами, тюрко-алтайскими и монгольскими народами. Влияние мировых религий: через русских – православия, через монгольский мир – буддизма – привели к религиозному синкретизму представлений.

В §2 «Способы общения с духами» подчеркивается, что в рассматриваемых культурах охотник, рыбак, оленевод напрямую «общаются» с теми силами, которые невидимо «регулируют» природопользование и «следят» за выполнением традиционных установлений. Отношения с духами строятся по типу социальных – на принципах уважения, равенства и обмена, и не без благоговейного страха и почтения. Духи локализуются на перевалах, в необычных, опасных местах. Им оставляют «подарки», – камни, подшейный волос оленя или коня, спички, папиросы, сигареты, монеты, повязывают цветные ленточки, иногда устраивают *дэлбургэ* (якут.), а также обращаются со словесными просьбами перед промыслом или благодарностями после него. Шаманская составляющая в большинстве регионов практически выпала из этих действий.

В диссертации рассматривается роль слова и снов в отношениях с духами-хозяевами. В тунгусо-маньчжурских культурах сны имеют огромное значение для моделирования поведения: в снах происходят поучения, истолкования, предсказания со стороны божеств и духов-хозяев. Сны становятся предметом обсуждения и осмысления в определенной социальной группе, – что говорит об их общественной значимости.

Кроме того, идет постоянный поиск узлов взаимосвязи в мире, которые могут проявляться в любом природном объекте или явлении. В §3 «Амулеты» анализируются промысловые амулеты и камни-амулеты, которые, помимо тунгусо-маньчжурских, позволяют провести палеоазиатские (почитание *аяншилов* у эвенов) и тюрко-монгольские параллели.

Отношение к амулетам двойственное: с одной стороны, они рассматриваются как эманация, материальное воплощение некоей части божества/духа-хозяина, а также как средство связи с ним; с другой – амулеты имеют и самостоятельное значение, силу *мусун*. Амулет можно было обрести путем правильной жизни, внимательного отношения к природе, приобретением знаний, проведением обрядов.

Названия охотничьих амулетов соответствуют наименованиям духа-хозяина охоты, охотничьей удачи. Заметно сходство в названии амулетов *эджик* у эвенов и *эджэк* у восточных эвенков (так же называется дух-хозяин тайги). Это носы пушных зверей, челюсти и мелкие копытца оленей, лапы, когти, клыки медведя, необычные по форме рога промысловых зверей, подкожные, находящиеся в естественной пленке, волосяные шарики лося, экземпляры животных-альбиносов и другое. Амулеты оленеводческие – птичьи яйца и птицы, олени хвостики, волосяные подкожные шарики, находимые при разделке оленя. Люди ищут в мире то, что для них представляет наибольшую ценность. Но сегодня эвены, чье хозяйство имеет оленеводческую направленность, в большей степени настроены на поиск амулетов, способствующих приплоду оленей и увеличению оленьего стада, а эвенки по-прежнему – на обладание охотничьими амулетами. На этом частном примере видно постепенное расхождение их культурных ценностей. Сам же поиск амулетов являет собой яркое свидетельство преемственности и творческого воспроизводства традиции.

Знанием различных категорий духов обладают далеко не все и неравномерно, а вот отношение к огню, рассмотренное в *главе 3 «Огонь»*, повсеместно превратилось в непреложную этикетную норму. В диссертационном исследовании показаны синкретичность представлений об огне, который почитается и сам по себе, и как многоликий и многогранный дух *тог мураани/тов хинкэнни/ тог мусун/хинкэн мухон/ того мусунин /энекан того*. Он также служит посредником, каналом связи с духами, в первую очередь с духом-хозяином таежной местности *хинкэн*. В терминологии, относящейся к огню, четко проявляется различие между эвенками и эвенами, с одной стороны, и остальными тунгусо-маньчжурскими народами, с другой. Зафиксированы различия в образах духа-хозяина огня: эвенки чаще представляют его в облике пожилой женщины, эвены – мужчины, старика с семьей. Как живое существо огонь кормят практически постоянно: после забоя оленя, перед охотой и после добычи зверя, перед перекочевкой и после нее, во время прихода гостя, до и после трапезы. Обращение к огню, духу огня адресуется и всем другим духам.

На свойстве огня иметь связь с высшими духами основано гадание о будущем по лопаточной кости оленя, барана, сохатого. Гадание по костям широко бытовало среди охотничьих и кочевых народов мира. Г.М. Василевич считала, что гадание по костям возникло именно в охотничьей культуре и было одним из дошаманских способов выяснения неизвестного. Не только огонь, но и само добытое животное – олень, изюбрь, некоторые другие – играют большую роль в гадании. Гадание сегодня практикуется неоседлыми

эвенками и эвенами Хабаровского края, Якутии, Магаданской области. Интерпретация рисунка всегда индивидуальна.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, которое приводит к следующим основным выводам.

Природопользование, мировоззрение и идентичность органически взаимосвязаны в традиционном обществе. Природопользование исключительно важно для формирования идентичности и мировоззрения, которые имеют до определенной степени независимый от природопользования характер. Поэтому при переходе на новые экономические модели, при заимствовании новых занятий и других элементов культуры менталитет охотников-оленьеводов долгое время сохраняется, что соотносится с выводами, сделанными на примере других охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ мира. Описывая явление как традиционное, например, для конца XIX в., никогда нельзя быть уверенным, что оно вдруг не «оживет» сегодня в новом культурном контексте и с новыми деталями и смыслами. Акцент на преемственности такой культурной традиции в диссертационном исследовании позволил проследить значительный внутренний потенциал рассматриваемых культур, ретрансляцию культурных особенностей там, где говорили об их потере, — например, среди городских и поселковых аборигенов, людей смешанного происхождения.

Благодаря сравнительно-типологическому анализу идентичности, природопользования и мировоззрения эвенков и эвенов удалось подтвердить, выявить и описать не только различия, но и существенные черты сходства между ними. Эти черты проявляются в изначальной близости охотничье-оленьеводческих культур: в типах хозяйства и природопользования, где основную роль играла охота, транспортное оленеводство и рыболовство; в обычае дележа; в сходных приемах освоения, наименования и обживания пространства; в восприятии и структурировании времени; в мировоззренческих представлениях и практиках, в т.ч. нормах обычного права, регулирующих разные сферы общественной жизни.

На фоне общетунгусского культурного пласта диссертационное исследование выявило некоторые дополнительные черты сходства между восточными эвенками и эвенами и различия между восточными и западными эвенками. У эвенков Западной Сибири исторически сложились этнокультурные и экономические связи с хантами, селькупками, кетами, русскими старожилами, юга Восточной Сибири — с русскими и бурятами, у эвенов и эвенков Якутии — с якутами, долганами, у эвенов Северо-востока — с чукчами и юкагирами на Чукотке и северо-востоке Якутии, коряками, камчадалами и ительменами на Охотском побережье и Камчатке, у эвенков юга Дальнего Востока, эвенов побережья Охотского моря, юго-восточных районов Якутии — с негидальцами, нанайцами, ульчами и др. Эти связи привнесли новые черты в культуру их разных групп, отразились в этнонимической классификации.

Развитие народов Севера в XX веке происходило под сильным влиянием советского государства, проводившего политику интеграции и патернализма. В конце 1920-х годов были сформированы «новые» народы эвенки и эвены в основном из групп тунгусов, ламутов, орохонов. Вопрос, возможно ли было придать этнообъединительной политике иной вектор развития, остается перспективным для дальнейших исследований, прежде всего в сфере сравнительного анализа материальной культуры и языка тунгусо-маньчжурских народов.

Современное многообразие локальных вариантов жизнеобеспечения и образа жизни эвенков и эвенов – от кочевого до оседлого – свидетельством исторических контактов и высокой степени адаптации их хозяйства и культуры к изменяющимся природным и социальным условиям. Как сказано выше, некоторые, в т.ч. зафиксированные в типологических построениях, элементы охотничье-оленьеводческих культур, сохраняются до сих пор. Отношения с государственными органами власти, социальная поддержка остается существенным элементом их жизнеобеспечения, влияя на формирование самосознания.

Ресурсный вектор экономики России и процессы глобализации ведут к быстрому промышленному освоению Севера, Сибири и Дальнего Востока, порождая серьезные экологические и этносоциальные проблемы, которые могут быть решены только в контексте соблюдения прав народов Севера на традиционное природопользование и образ жизни, соучастие в управлении ресурсами, сохранение историко-культурного и природного наследия. Появляются новые возможности для развития городских и поселковых аборигенов. В этих северных культурах заложен огромный потенциал, и сегодня возрастает ответственность государства, общества, а также, в первую очередь, самих людей за их будущее.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. От совхоза к родовой общине. Социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2010. – 184 с.
2. Katanga Evenkis in the 20th Century and the Ordering of Their Life-World. Edmonton: CCI Press, 2006. – 222 с.
3. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. 2-е изд., испр. и доп. М. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 286 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

4. Письма В.Г. Богораза из Сибиряковской экспедиции. Предисловие // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 138-140.
5. В.Г. Богораз. Письма в Восточно-Сибирский отдел ИРГО / Подготовка писем к публикации, авторство примечаний // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 140-149.

6. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 60-70 (в соавт. с Г. Фонда).
7. Антропология добывающей промышленности. Предисловие к специальной теме номера «Экология, нефть, культура» // Этнографическое обозрение. 2008. №3. С. 3-4 (в соавт. с А.А. Ярлыкаповым, Д.А. Функом).
8. Чувствующие землю. Экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 121-138.
9. «Кому принадлежит сибирская этнография?» Размышления после международного семинара по методике, методологии и этике этнографических исследований на севере Сибири // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 141-148 (в соавт. с Н.Б. Вахтиным).
10. А.П. Курилович. Отчет Туруханской статистической экспедиции (1926 г.) / Подготовка текста к публикации, авторство предисловия, примечаний // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 144-159.
11. Возвращая аборигенам землю (Северная Территория Австралии) // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 107-119.
12. Преемственность в организации среды жизнедеятельности (на примере эвенков верховьев р. Нижняя Тунгуска) // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 77-88.
13. Б.Э. Петри как этнограф // Советская этнография. 1991. №3. С.83-92.
14. Э. Уилсон, К. Свидерска. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // Этнографическое обозрение. 2008. №3. С.17-28 (перевод с англ. и коммент. при участии Э. Уилсон).
15. Д.Б. Роуз. Экология и этика отношений с окружающей средой у коренных народов Австралии // Этнографическое обозрение. 2001. №2. С. 41-52 (перевод с англ. и коммент. в соавт. с Е. Провоторовой).
16. Х. Бич. Обсуждение проекта Закона Российской Федерации «Основы правового статуса коренных народов Севера» // Этнографическое обозрение. 1995. №6. С. 134-136 (пер. с англ. в соавт. с Н.Н. Ссорин-Чайковым).
17. Международная конференция «Диалог культур и цивилизаций: современное состояние и перспективы номадизма в глобализованном мире» // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С.132-137.
18. Международная научная конференция «Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из 21 века», посвященная 140-летию со дня рождения Л.Я. Штернберга. Южно-Сахалинск, 9-11 октября 2001г. // Этнографическое обозрение. 2002. №6. С. 153-157 (в соавт. с Т.П. Роон).
19. Семинар «Постсоциализм на Российском Севере» // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 162 (в соавт. с Н.И. Новиковой).
20. Рец. Р. Vitebsky. Reindeer People. Living With Animals and Spirits in Siberia: HarperCollinsPublishers, L., 2005. – 464 с. // Этнографическое обозрение. 2006. №4. С. 184-188.
21. Рец. Д. Дж. Андерсон. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. – 248 с. // Этнографическое обозрение. 2001. №5. С. 137-142 (в соавт. с С.С. Савоскулом).

22. Рец. 7 книг о народах Сибири // Этнографическое обозрение. 2000. №6. С. 135-140 (в соавт. с З.П. Соколовой).

23. Рец. М.Г. Туров. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX- начале XX века (принципы освоения угодий) // Советская этнография. 1991. №6. С. 142-144 (в соавт. с С.С. Савоскулом).

24. People Who Feel the Land. The Ecological Ethic of the Evenki and Eveny // Anthropology and Archeology of Eurasia. Winter 2008-2009. Vol. 47. No 3. P. 9-37.

25. Working borders and shifting identities in the Russian Far North // Geoforum. November 2003. Vol. 34. Issue 4. P. 541-556 (в соавт. с Г. Фонда).

26. Rights and Risks: Evenki Concerns Regarding the Proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean pipeline // Sibirica. 2006. Vol. 5. Issue 2. P. 115-138 (в соавт. с Г. Фонда).

27. Bernard Eduardovich Petri. Forgotten Pages in Siberian Ethnography // Anthropology and Archeology of Eurasia. Repressed Ethnographers. Part 1. N-Y, 2003. Vol. 42. No 2. P. 71-93.

28. Живая земля. Экологическая этика эвенков и эвенов // Sibirica. 2008. Vol. 7. № 2. P. 1-22.

29. Siberian Sojourn // Wingspan. 2003. Vol.13. No 4. P. 28-29 (в соавт. с Л. Робин).

Статьи по итогам выступлений на международных конференциях

30. E.W. Rowe (ed.) Oil and Gas Development in Russia and Northern Indigenous Peoples. Chapter Eight // Russia and the North. Ottawa: University of Ottawa Press, 2009. P. 187-202.

31. E. Kasten (ed.) Clan communities in Sakha (Yakutia) republic: a Step to Self-determination? // Rebuilding Identities. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. P. 197-216.

32. A. Barnard (ed.) Soviet traditions in the study of Siberian hunter-gatherer society // Hunter-Gatherers in History, Archaeology and Anthropology. Oxford-New York: Berg, 2004. P. 89-101.

Публикации в других изданиях

33. И.П. Копылов, А.А. Погудин, Н.Я. Романов. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2009 / отв. редактирование, составление (в соавт. с М.В. Рагулиной).

34. Землеустройство коренных народов Севера в преддверии коллективизации // И.П.Копылов, А.А. Погудин, Н.Я. Романов. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2009. С. 3-14 (в соавт. с М.В. Рагулиной).

35. Газ на экспорт: этнокультурные проблемы транспортировки. М.: ИЭА РАН, 2008. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 205) (в соавт. с Н.Л. Жуковской, Е.М. Инешинным, М.В. Рагулиной, С.П. Тюхтеневой).

36. Эвенки Северного Прибайкалья и проект строительства нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан. М.: ИЭА РАН, 2006. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 186) (в соавт. с Г. Фонда́л).

37. «Корни и есть основа»: художник Валерий Кондаков // Поддержка и развитие культуры и искусства в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Материалы конференции. 16-19 августа 2010 г. Улан-Удэ: Изд-во АУ РБ «Республиканский информационный центр», 2010. С. 221-224.

38. Образ эвенка в драме Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / отв. ред. Е.А. Пивнева. – М.: ООО «Август Борг», 2010. С. 268-273.

39. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896): письма В.И.Иохельсона во ВСОИРГО // Расы и народы. Вып. 33 / отв. ред. Д.А. Функ. – М.: Наука, 2007. С. 331-368 (в соавт. с А.И. Шинковым).

40. Лето 2005 года на севере Байкала // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН, 2005 / Отв. ред. З.П. Соколова. – М.: Наука, 2007. С. 128-146 (в соавт. с Г. Фонда́л).

41. Международный проект «Архивы в опасности»: некоторые итоги работы с фотоколлекциями Иркутского областного краеведческого музея // Краеведческие записки ИОКМ. Вып. 13. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2006. С. 35-50 (в соавт. с Е.Г. Манушкиной).

42. Эвенки // Сибирь. Атлас Азиатской России. М.: Изд-во Феория, «ДИК», 2007. С. 734-735.

43. Эвены // Сибирь. Атлас Азиатской России. М.: Изд-во Феория, «ДИК», 2007. С.736-737.

44. Заметки о переписи 1926-27 гг. в Иркутской области // Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера / отв. ред. Д. Андерсон. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2005. С.97-100.

45. Народы Восточной Сибири // Российская энциклопедия. Том «Россия». М., 2004.

46. Культ огня, с. 466-467; Охота, с. 706-709; Промысловые обряды, с. 783-784; Хозяйство, с. 1039-1044 // Северная энциклопедия. М.: Европейские издания, 2004 (то же – на английском языке под названием «Northern Practical Dictionary», 2005).

47. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. – М.: Наука, 2004. С. 49-94 (в соавт. с Т.П. Роон).

48. Неразмыкаемый круг жизни (по материалам экспедиции 2002 г. в Магаданскую область) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. 2002. М.: Наука, 2004. С. 43-56.

49. Хозяйство и социальная сфера // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. С. 54-75.

50. Новые материалы о жилище эвенов // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 94-115.
51. Эвенкийские коллекции в фондах Иркутского областного краеведческого музея (общий обзор) // Краеведческие записки. Посвящается 150-летию Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. Вып.8. С. 139-147.
52. Закон и жизнь [опыт законодательного урегулирования традиционного природопользования в Республике Саха (Якутия)] // Юридическая антропология. Закон и жизнь / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: Стратегия, 2000. С. 196-211.
53. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Изд-во «Восточная литература РАН», 1999. С. 57-80.
54. На узкой кромке права // Северные просторы. 1999. № 5-6. С. 16-19.
55. Депутат от оленной тропы // Северные просторы. 1999. № 5-6. С. 40-43.
56. Научный отчет об экспедиции к верхнеколымским эвенкам // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1994. С. 260-333.
57. Indigenous peoples of the North in Russian politics today // Baltic Rim Economies. Bimonthly review. Issue N4. August 2010. University of Turku, Pan-European Institute, Finland.
58. The taiga hunters after *perestroika* (the case study of the Evenki of Irkutsk Oblast' Eastern Siberia) // Post-Soviet Transformations and politics of Ethnicity and Resource Use in Russia/ eds. H.Beach, D. Funk, L. Sillanpää. Uupsalla, 2009. P. 137-160.
59. Evenki. Chapter 16 // L. Sillanpää. Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: the Small Indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millenium. – Acta Politica No 33. Helsinki, 2008. P. 293-319.
60. Even. Chapter 17 // L. Sillanpää. Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: the Small Indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millenium. Acta Politica No 33. Helsinki, 2008. P. 320-343.
61. La Construcccion de un oleoducto y los Derechos Indigenas en Siberia Oriental // Asuntos Indigenas. 'Pueblos Indigenas e Hidrocarburos'. IWGIA, Copenhagen. 2006. No 2-3. P. 52-62 (в соавт. с Г. Фондан).
62. Oil Pipeline Development and Indigenous Rights in Eastern Siberia // Indigenous Affairs. 'Arctic Oil and Gas Development': IWGIA, Copenhagen. 2006. № 2-3 P. 58-67 (в соавт. с Г. Фондан).
63. Evenki Autonomous Okrug // Encyclopedia of the Arctic. M. Nuttall (ed.). NY&London: Routledge, 2005. Vol.1. P.592-594.
64. Koryak Autonomous Okrug // Encyclopedia of the Arctic. M. Nuttall (ed.). NY&London: Routledge, 2005. Vol.2. P.1122-1125.

Подписано к печати 10.10.2011 г.
Формат 60*84/16. Объем 2,8 п.л. Тираж 125 экз. Заказ № 529.
Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.
664033 г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1.